

ХАДЖИ-МУРАТ
МАГОМЕТОВИЧ МУГУЕВ

К БЕРЕГАМ ТИГРА

Россия державная

Хаджи-Мурат Мугуев

К берегам Тигра

«Public Domain»

1951

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Мугуев Х. М.

К берегам Тигра / Х. М. Мугуев — «Public Domain»,
1951 — (Россия державная)

ISBN 978-5-486-03765-8

Хаджи-Мурат Магомедович Мугуев (1893–1968) – поэт, писатель, драматург и публицист. Родился в Северной Осетии, в семье осетина-казака. В чине хорунжего участвовал в Первой мировой войне, воевал на Кавказском и Персидском фронтах. После Октябрьского переворота встал на сторону большевиков. По возвращении во Владикавказ служил в Красной армии, затем сотрудничал с советской разведкой, работал в советском консульстве в Турции. В 1941 г. Мугуев ушел на фронт; после тяжелого ранения под Сталинградом потерял зрение. Но и после войны он продолжал заниматься литературным творчеством и общественной работой. В основе представленной в этом томе повести «К берегам Тигра» лежит реальный случай. 1915 год. Первая мировая война. Историческое лицо – есаул Гамалий, командующий казачьей сотней Уманского полка, стоявшего тогда в Персии, – получает приказ вести сотню в направлении Месопотамии. Там она должна встретиться с войсками союзнической британской армии и поддержать боевой дух англичан. Задача не столько стратегическая, сколько пропагандистская, но чтобы ее выполнить, казакам придется преодолеть больше тысячи километров – по пустыне, под палящим солнцем, сбиваясь с пути и натываясь на турецкие засады...

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03765-8

© Мугуев Х. М., 1951

© Public Domain, 1951

Содержание

Записки сотника Бориса Петровича	8
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Хаджи-Мурат Магомедович Мугуев

К берегам Тигра

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Прежде чем опубликовать записки сотника Бориса Петровича, я должен рассказать, как они попали ко мне и что побудило меня выпустить их в свет.

В 1917 году, возвращаясь из Персии, я встретил в городе Керманшахе сравнительно молодого казачьего офицера, оказавшегося моим попутчиком. В Хамадане Бориса Петровича (это был он) задержали какие-то непредвиденные обстоятельства. Части уходили с фронтов, демобилизация шла полным ходом. Узнав, что я буду на Кубани, мой новый знакомый попросил меня захватить с собою небольшой чемодан и оставить в Екатеринодаре, у его родных.

Я согласился. Но попасть в Екатеринодар мне удалось не скоро: вспыхнула Гражданская война. Начались бои, отходы, наступления. Когда наконец 11-я Красная армия, в рядах которой я сражался, заняла Екатеринодар, выбив из него белых, никого из родственников Бориса Петровича в городе не оказалось.

Таскаться дальше с лишним чемоданом я не мог. Вскрыв его, я нашел в нем среди не представлявших ценности офицерских вещей публикуемые ниже записки, весьма заинтересовавшие меня.

Гражданская война разгоралась. Я перекочевывал с деникинского на колчаковский и с врангельского на вновь образовавшийся польский фронт.

Мне пришлось участвовать в ряде славных сражений, покрывших нашу красную конницу неуязвимой славой. Киев... Житомир... Белосток...

Когда после упорных боев за переправу через Вислу я вместе с другими ранеными попал в белостокский госпиталь, на меня с соседней койки неожиданно глянуло знакомое смелое лицо с опущенными по-казацки вниз усами. По смеющимся глазам и добродушной улыбке раненого я понял, что он тоже узнал меня.

– Гамалий! – воскликнул я, обрадованный и потрясенный этой встречей.

Это был мой старый приятель, еще по турецкому и персидскому фронтам.

– Эге, братику, он самый. – Здоровая рука соседа крепко сжала мою.

– С нами! Наш!

– А как же, конечно! – И он любовно и гордо скосил глаза на алевший на его груди орден Красного Знамени.

Когда мы вдоволь насытились воспоминаниями, разговорами и взаимными расспросами, я неожиданно вспомнил Бориса Петровича. Гамалий помолчал, а затем грустно сказал:

– Нет его. Убит под Львовом. Жалко. Хороший, боевой был офицер, с первых же дней присоединившийся к народу.

– А как же быть с его дневником, записками? Они остались у меня.

– Не знаю, вам виднее.

На досуге я вновь перечитал рукопись и решил, что ее следует опубликовать. Листая страницы этих серых, дешевых тетрадей, я испытывал чувство гордости за русского солдата, за свою страну, за наш мужественный, стойкий народ. В описанном походе мне почуялось что-то общее с переходом через Альпы суворовских чудо-богатырей, со славными походами наших красноармейцев по безводным пескам Средней Азии.

В этих записках рассказана захватывающая история о том, как сотня людей была брошена
в...

Впрочем, вы прочтете это сами.

Записки сотника Бориса Петровича

Резкий звонок полевого телефона будит меня... Борюсь со сном, протягиваю руку к аппарату:

– Да!.. Кто у телефона?

– Ваше благородие, командир полка просят вас и есаула Гамалия немедля прийти в штаб. Срочно требуют, – пищит в трубке.

Я узнаю голос штабного писаря Окончука. Встаю позевывая, натягиваю черкеску и, уже на ходу пристегивая шашку, выхожу во двор. Персидское солнце палит немилосердно, и горячая неподвижная масса воздуха охватывает меня. По каменным плитам караван-сарая¹ лениво движутся редкие фигуры истомленных зноем казаков. Разморенный жаром часовой приходит в себя и, звеня шашкой, берет на караул.

Вот и жилище командира сотни. Собственно говоря, это просто глубокая и узкая ниша в массивной, полуторасаженной стене крепости, в которой мы стоим гарнизоном. Мы – это «лихой и непобедимый», как мы любим называть его, Уманский казачий полк. Полк входит в состав конного корпуса генерала Баратова, переброшенного осенью 1915 года в Северную Персию в связи с тем, что германские агенты развили лихорадочную деятельность в Тегеране, подготавливая угрожающее флангу наших армий вторжение в Персию турецко-германских сил.

«Квартира» командира лишена окон, в ней всегда горит ночник. Зато это самое прохладное место во всем Буруджирде, и мы, офицеры, часто укрываемся здесь от удушливой жары. Есаул лежит на походной кровати. В углу разбросаны хурджины². Рядом прислонен к стене короткий шведский карабин – трофей боя с персидскими жандармами у Саве. На табуретке – остывший чай, остатки курицы и разломанная плитка шоколада. Все так знакомо, так обычно. Так же, как у меня, как и у других.

– Иван Андреевич, вставайте, – бужу я.

– А? Чего? В чем дело?.. Это вы? – приподымая голову, бормочет Гамалий.

– Звонили из штаба: адъютант срочно вызывает нас по важному делу к полковнику.

Есаул садится на койке. Его ноги автоматически лезут в чувяки³. Я смотрю на выразительное, красивое лицо Гамалия. В больших карих глазах – недоумение.

– Обоих?

– Да, вас и меня.

– Н-да... Черт его знает, зачем мы понадобились ему оба... Однако надо идти, – размышляет он, затем встает и кричит: – Трушко!

Из-за палатки, завешивающей вход вместо ковра, показывается круглое лицо денщика командира, казака Стеценко.

– Тащи воды и полотенце.

Стеценко не заставляет себя ждать. Есаул плещется, радостно фыркает, кряхтит от удовольствия. Через минуту мы уже идем быстрым шагом по кривым и узким улицам города, прорезанным чуть видными арыками. Жара проникает через легкую черкеску, и пот струйками стекает с лица, заползая под бешмет.

Вот и штаб полка, расположенный в здании бывшего немецкого консульства. У низких ворот мы долго стучим тяжелой кованой скобою о железный выступ калитки. (Наши дверные звонки здесь, на Востоке, не приняты.)

¹ Постоялый двор на Востоке.

² Двойные ковровые сумы.

³ Мягкие козловые сапоги.

Гулко разносятся удары. Медленно приоткрывается «глазок», часовой узнает нас, и через секунду дверь со скрипом растворяется. Мы входим во двор, огражденный высокими азиатскими стенами. Внутри раскинулся красивый полуевропейский дом, напоминающий собою итальянскую виллу где-нибудь на берегах Адриатического моря.

Низкая терраса сбегает уступами и тонет в море белоснежных ароматных цветов. Вообще весь двор представляет собою сплошной фруктовый сад. Здесь и слива, и персик, и инжир, и стройные груши, и нежная тута. Вскоре мы будем вдосталь лакомиться их сочными плодами, если только к тому времени нас не перебросят куда-либо «по обстоятельствам военного времени».

На крыше здания развевается русский трехцветный флаг. У крыльца в землю воткнут полковой значок, красноречиво свидетельствующий о том, что здесь обитает «сам» командир полка – неугомонный, несуразный, но пользующийся общими симпатиями «батько Стопчан», как зовут его про себя казаки.

На террасе сидит полковой священник Церетели, пожилой тучный человек, заветная мечта которого получить наперсный крест на георгиевской ленте за военные заслуги. Батюшка приветливо кивает нам.

– Обедали? – задает он свой привычный вопрос.

Еда, перешедшая в обжорство, – единственное его утешение в этой глуши.

Спешим дальше, к адъютанту, чтобы узнать причину экстренного вызова.

– Либо нагоняй, либо пошлют опять сотню к черту на кулички, в далекую фуражировку, – вполголоса строит догадки Гамалий.

Едва мы показываемся на пороге, как Бочаров, наш адъютант, с таинственным видом отводит нас в дальний угол комнаты и шепотом говорит:

– Новость, господа, поздравляю! По распоряжению командира корпуса ваша сотня завтра выходит в Хамадан для выполнения крайне ответственного и секретного рейда в тыл противника.

Мы переглядываемся с есаулом. «Новость» и неинтересная, и мало для нас приятная.

– Только тсс, никому! – предупреждает адъютант. – Решительно никому! Не сообщайте пока даже вашим прапорщикам. Кроме полковника, меня и еще двух-трех офицеров, никто в полку не должен знать об этой командировке.

– Но позвольте, – басит Гамалий, – к чему же эта таинственность? Куда придется совершить рейд? Надеюсь, не в гости к турецкому султану?

– Не знаю, может быть, и в гости к нему, не знаю. – И тут же не выдерживает. Наклоняясь к нам, он шепчет: – За Багдад, на соединение с англичанами. Радио от верховного главнокомандующего.

Мы поражены. Гамалий недоверчиво взирает на адъютанта, а я недоуменно перевожу глаза с одного на другого, еще не вникнув как следует в сущность сказанного...

– Да ведь до них больше тысячи верст, – наконец выдавливает Гамалий.

– А между ними и нами – турецкие корпуса, – добавляю я.

– Ну да, вот в этом-то и вся штука, други мои. Не будь турок, это было бы простой прогулкой, – ободряет Бочаров.

– Вот вы сами и прогулялись бы, – хмурится есаул. Ни ему, ни мне не улыбается это неожиданное путешествие.

– Ну, ладно, – принимая официальный тон, спохватывается Бочаров, – мое дело маленькое, можете сказать это лично командиру. Идемте к нему, господа, он вас ждет.

Мы следуем за адъютантом. Пройдя несколько комнат, входим в приемную командира. Это большая зала, вся увешанная и устланная чудесными сарухскими⁴ коврами.

⁴ Сарух – небольшое местечко Султан-Абадской провинции в Иране, где выделывают ковры.

У дверей стоит караул с обнаженными шашками. Здесь полковой штандарт и денежный ящик. На почтительный стук адъютанта изнутри хрипит бас Стопчана:

– Войдите.

Командир, грузный пожилой человек с седеющими запорожскими усами, поднимается нам навстречу. Застегивая бешмет, он приглашает нас сесть.

– Надеюсь, не обидитесь, я уж попросту, по-стариковски. Петр Николаевич, – обращается он к Бочарову, – попросите сюда войскового старшину и принесите телеграмму корпусного.

Бочаров неслышно исчезает.

– Вы, наверно, уже знаете, в чем дело? – обращается к нам командир.

– Приблизительно, – бурчит Гамалий.

– Весьма неясно, – добавляю я.

– Сейчас узнаете все. Интересное, приятное, весьма приятное, даже завидное назначение, господа. Уверен, что многие пожелали бы быть на вашем месте. Вам, господа, предстоит совершить исторический рейд, соединиться в районе Багдада с союзными английскими войсками и затем вернуться назад. Вы подумайте – какое славное дело! Вы войдете в историю конницы как образчик беспримерного кавалерийского пробега через пустыни.

Сзади по ковру шуршат чувяки. Это войсковой старшина Кошелев и адъютант. После обычных приветствий мы садимся ближе к столу. Полковник, достав из папки телеграмму, негромко читает ее:

– «Из штаба корпуса... Ставка ком. корпуса, местечко Шеверин. В штаб 1-го Уманского полка. Срочно, весьма секретно, шифр – „ЖЮДИ“.

Согласно секретному радиотелеграфному приказанию из штаба верховного главнокомандующего Кавказской армии великого князя Николая Николаевича предлагается вам немедленно же отправить в штаб корпуса, в распоряжение начальника штаба корпуса генерала фон Эрна, одну сотню вашего полка. Сотня должна быть в полной боевой готовности, на вполне здоровых конях и снабжена всем необходимым для долгого и утомительного пути. Сотня будет направлена через фронт и тылы турецкой армии, действующей против нас, на соединение с наступающими на Багдад английскими войсками. Выбор людей и офицеров зависит всецело от вас, хотя командир корпуса генерал-лейтенант Баратов предполагает, что уместно было бы послать в экспедицию вторую сотню вверенного вам полка под командой есаула Гамалия. Прибытие сотни в штаб корпуса ожидается не позже 6 часов вечера 27 апреля 1916 г. Подлинное подписал начштаба корпуса Генштаба генерал-майор *фон Эрн*».

– Понятно? – вопрошает Стопчан.

– Так точно, господин полковник! Только мне неясны маршрут, задача и срок возвращения обратно.

– Э-э, батенька, – перебивает есаула Стопчан, – это неизвестно и мне. Ясно одно: нужно собираться и сегодня же в ночь двигаться в поход. Ночи теперь светлые, прохладные, идти будет легко.

– Как быть с больными казаками? – спрашивает есаул.

– Много их у вас?

– Да человек двенадцать наберется. Малярия.

– Оставить в лазарете. Помимо сотенного фельдшера взять еще одного. Больные кони есть?

– Больных нет, но с набитыми спинами имеются, десятка два.

– Заменить из других сотен здоровыми. Пополнить неприкосновенные запасы боеприпасов и провианта, особенно консервов, взять побольше медикаментов, из штаба полка забрать кузнеца с инструментом, пулеметы переложить на вьюки, вооружить гранатников. Словом, я на вас надеюсь, дорогой Иван Андреевич, – неожиданно заканчивает командир и пожимает

руку Гамалию. – Ведь вы у нас украшение полка, и я горд, что сам командир корпуса указал мне именно на вас.

Гамалий краснеет. Ему, видимо, неловко от этих похвал. Его рука тербит георгиевский темляк на пашке, «золотое оружие», полученное им за бои под Сарыкамышем. Я знаю, что этот жест означает смущение Гамалия.

– А вас, сотник, – поворачивается ко мне Стопчан, – я вызвал как старшего после командира офицера в сотне, чтобы также ознакомить с положением. Я твердо уверен, господа, что вы с вашими молодцами казаками с честью выполните возложенное на вас задание и благополучно совершите этот трудный и необычный рейд.

Мы молча кланяемся.

– С богом! – Он обнимает нас, целует трижды крест-накрест и неожиданно кричит – Филька-а-а!

В комнату влетает казак.

– Тащи, сукин кот, скорее квасу, да похолоднее! Вас, господа, не приглашаю к столу, ибо через три часа вам выступать.

Мы вытягиваемся, отдаем честь и, круто поворачиваясь налево кругом, выходим. Нам вслед несется рыкающий голос Стопчана:

– Только никому ни слова пока, ни звука!

Провожая нас, адъютант вручает Гамалию заранее заготовленные бумаги и приказ, из которого явствует, что мы уходим на месячный отпуск в свой тыл – в город Султан-Абад. Это выдумка хитроумного Бочарова, наивно верящего в то, что фальшивый приказ помешает толкам в полку и в городе по поводу нашего внезапного выступления.

Смеюсь про себя. Кто-кто, а штаб первый проговорится о нас. Как бы в подтверждение моей мысли попавшийся нам навстречу Церетели лукаво подмигивает и говорит:

– Вот счастливики! Попьете теперь настоящего виски. Не забудьте привезти и мне бутылочку.

Мы обещаем две и спешим обратно в караван-сарай.

Лицо Гамалия задумчиво. Видно, что неожиданное путешествие обеспокоило его.

– Справа по три, шагом ма-аррш! – командует есаул, и стройная развернутая шеренга ломается на ряд движущихся конных фигур.

Ворота широко распахиваются, и мы, нагибая головы, выезжаем на улицу. Позади сотни тянутся мулы, навьюченные пулеметами, двуколки с огнеприпасами, заводные кони. Дребезжит сотенная кухня.

Казак других сотен высыпали во двор провожать нас.

– Ну, прощайте... покудова! – несется из рядов.

– Стецюк, Стецюк, напувай мово коня, – надрывается кто-то рядом.

– Хай його бис напувае! – гудит ответ.

Пропустив мимо себя сотню, выскакиваем вперед, выбираясь из глухих, неприветливых улиц города. Прохожие с любопытством оглядывают нас. Закутанные в черные чадры женщины кажутся темными тенями на фоне стен, к которым они жмутся с детьми. Наконец мы выезжаем на Хамаданскую дорогу. Отъехав версты три от ворот крепости, встречаем наш сторожевой пост. Телефонист чинит оборвавшийся провод; по мосту мерно шагает часовой; у привязанных к кустам коней сидят несколько казаков, с нетерпением поглядывая на закипающий котелок. Перекидываясь с ними словами, сотня проходит мимо поста. Родной полк остался позади. Впереди же – неизвестность.

Вверх-вниз, через холмы и ложбины, по крутым скатам гор тянется наш путь. Мы идем уже два часа. Время от времени есаул протяжно командует: «Сто-о-ой!», «Сле-е-зай!» – и вся сотня спешивается. Тогда мы либо стоим несколько минут на месте, либо ведем в поводу наших

совсем еще свежих, непритомившихся коней. Это позволяет людям размяться, а отстающему сотенному обозу – нагнать нас. Еще совсем светло. Жара спала, и идти легко. Временами набегает ласковый, прохладный ветерок и обдувает запыхавшиеся усы и бороды казаков.

Пыльная дорога вьется по холмам. По краям ее – невысокие зеленые горы, покрытые частым лесом и с пролысинками на вершущах. Вдали, как в тумане, высятся синеватые горные хребты, на которых сплошной черной пеленой тянутся леса. По долине сверкает Чайруд, небольшая быстрая речонка, которую, однако, не везде можно перейти вброд: так быстро ее течение. Изредка попадаются горные села, прилепившиеся к склонам холмов. Над крышами приветливо курятся дымки. Вблизи пасутся немногочисленные стада овец и коз. Завидя нас, пастухи поспешно отгоняют скот в горы; собаки хрипло лают нам вслед. В селах спуют встревоженные жители.

Казаки уже «сыграли песни» и теперь молча едут вперед. Куда и зачем – их мало интересует, так как за время войны они привыкли к этим внезапным переходам. Сотня уверена, что ее посылают «на летучую почту» в Хамадан.

Постепенно даль начинает темнеть. Горы медленно растворяются в синеватой дымке. Горизонт не кажется уже таким далеким, и холмы ближе подступают к нам. Сильнее шумит Чайруд, и прохладнее вечерний ветерок. На темном фоне неба блеснула звезда, другая. Ночь окутывает нас.

Есаул хранит молчание. Время от времени он набивает свою носогрейку английским табаком, и сладковатый, приторный запах «кэпстена» кружит мне голову. Прапорщик Зуев, молодой, недавно выпущенный из училища офицер, едет сзади меня, не решаясь прервать молчание. Зуев – славный и милый мальчик, еще ни разу не побывавший в бою. Хотя два или три раза он попадал в разведках под обстрел, но о них он сам отзывается с пренебрежением и жаждет участвовать в «настоящем сражении».

– Борис Петрович! – обращается ко мне есаул. Я чуть подталкиваю коня. – За этими холмами должна быть деревня Салавчаган. Там мы переночуем – и снова в путь. Пошлите прапорщика с квартирьерами вперед.

Я отдаю приказание, и через минуту Зуев с десятком казаков на рысях обскакивают нас и исчезают в темноте.

Проходим еще версты три, спускаемся с холмов в долину, переходим мост. Стало совсем темно. Молодая луна косится на нас из-за горы. Впереди мелькают огоньки, чернеют кущи деревьев, лают невидимые собаки и отчетливо, близко-близко, пахнет дымом и жильем. Это – Салавчаган. Нам навстречу выезжают верховые, слышатся голоса.

– Это квартирьеры?

– Так точно! Они. Пожалуйте сюда, ваше благородие! – несется из темноты голос казака Сироты.

Ночуем на всякий случай все вместе в большом дворе. Вахмистр обходит казаков и выставляет на ночь караулы. Ржут кони, шумит подошедший обоз. Казаки развьючивают коней – расседлывать нельзя – и располагаются на ночлег. Горят костры, вскипает чай. Понемногу шум голосов утихает. Поужинав, мы ложимся спать.

– Вашбродь, вашбродь, вставайте! Сотня уже посидала на коней, – слышу я голос Пузанкова.

Открываю глаза. Низкая, полутемная халупа, кругом грязь. Есаула уже нет. Я вскакиваю, наскоро умываюсь холодной как лед водой и спешу к коню. Сотня выстраивается. Обоз выступил раньше, следы от двуколок ведут к воротам. Несколько любопытствующих крестьян без удовольствия наблюдают за нашими приготовлениями к отъезду. Наконец все готово, и мы снова в пути. Как и вчера, плывут по горам облака. Густой сырой туман ползет по скалам, цепляясь за камни и утесы. Солнце быстро поднимается над горизонтом. Деревня давно проснулась, но молчит, притаившись в своих глухих дворах, укрывшихся за высокими стенами.

Отдохнувшие кони весело рвутся вперед.
Мой Орел слегка горячится, закусывает удила. Деревня скрывается за поворотом.
Снова пыль, снова холмы и снова грязный ночлег в персидском селе.

Не записывал трое суток: не было времени...

Идем походным порядком. Как всегда, впереди дозоры, за ними, сажень в двухстах, мы, офицеры, за нами сотня, а за нею пулеметы и обоз. Мы так растянулись, что издали нас можно было принять за целый дивизион. Все идет обычно, если не считать маленького неприятного происшествия в селе Сарух. Пятеро подвыпивших казаков утащили из лавки торговца пару мешков с кишмишом. Утром похищение обнаружилось. Прибежал взволнованный кятхуда⁵ и с ним несколько персиян. Что-то кричали, просили, плакали, указывая руками на небо. Я видел, как был взбешен Гамалий, как перекошилось его обычно спокойное лицо. Но было уже поздно, надо было выступать. Есаул дал два тумана⁶ потерпевшим, быстро утешившимся, так как эта сумма с лихвой покрывала их убытки, и, бросив гневный взгляд на казаков, скомандовал: «Вперед!» Казаки радовались, что спешность похода помешала командиру произвести дознание, иначе виновным не поздоровилось бы.

Следующая ночевка была в Сенне, а на другой день ровно в четыре часа мы вошли с северной стороны в Хамадан. Больше часа плутили мы по его грязным, кривым улицам, тщетно расспрашивали всех попадавшихся навстречу солдат, казаков и персов о том, как попасть в Шеверин. Наконец, потратив много времени на расспросы и утопая в глубоких лужах, мы кое-как выбрались на главную улицу, а оттуда, свернув на широкую аллею, густо обсаженную вековыми тополями, направились в Шеверин, где расположился штаб корпуса.

По дороге сновали конные и пешие солдаты, проносились блестящие автомобили, скакали щеголеватые драгуны. Мелькали белые косынки сестер милосердия. Словом, ясно чувствовался глубокий тыл и близость большого штаба.

Аллея повернула влево, и нашим взорам представилось небольшое село, обнесенное высокой глиняной стеной средневекового типа, с бойницами, амбразурами, боковыми башнями, выступами и контрфорсами. По ней прогуливались сугубо штатские фигуры, с любопытством поглядывавшие сверху вниз на наш отряд. Через широкий пролет раскрытых настежь ворот было видно, как во дворе снуют солдаты, стоят расседланные кони и распряженные повозки.

Мы подтянулись, подождали отставших и справа по три ровной, стройной колонной вошли во двор. Десятки любопытных и ротозеев сбежались навстречу нам.

– Эй, земляки! – крикнул Гамалий, обращаясь к ним. – А где здесь штаб корпуса?

Земляки молчали, поглядывая по сторонам. Наконец один из них лениво и неохотно проямлил:

– А кто ё знат, мы нездешние.

Этот ответ разозлил казаков:

– «Нездешние»... крупа окаянная! Как кашу жрать, так здешние, черти не нашего бога!

Солдаты лениво огрызались:

– Не лайся, куркули собачьи. С обозом нонече сами пришли.

К нам подлетел разбитной драгун Нижегородского полка.

– Оставьте их, ваше благородие, это «крестики»⁷, они ничего не знают тут. Ежели вам в штаб корпуса, то вот по этой улочке все прямо извольте ехать до парка, а в самом парке, значит, и штаб корпуса расположен.

⁵ Староста.

⁶ Персидская серебряная монета двухрублевого достоинства.

⁷ Ополченцы, носившие на фуражках металлические кресты.

– Спасибо, братец! – говорит Гамалий, и сотня под равнодушными, безучастными взглядами «крестиков», свернув в улочку, двинулась в указанном направлении.

Через пять минут мы въехали в тенистый парк, посреди которого стоял красивый дворец. Сквозь ветви деревьев можно было разглядеть реявший над крышей флаг. Здесь находилась ставка командира корпуса генерала Баратова.

– Вниз по аллее, в расположение конвоя генерала, прямо, все прямо, пока не увидите коновязи и палатки, разбитые в кустах. Это и будет отведенное вам место, – любезно сообщил молоденький адъютант, вышедший навстречу нам из дежурной.

– Ведите сотню на место и располагайте ее там, а я пойду к начальнику штаба с рапортом о прибытии. Может быть, узнаю что-нибудь новое. – С этими словами Гамалий сошел с коня и, передав его вестовому, направился в дом.

Я подъехал к ожидавшей невдалеке сотне и, следуя по аллее, скоро нашел конвой командира корпуса, состоявший из сводной сотни полков 1-ой дивизии.

Наша сотня спешила и разбилась на маленькие взводы-квадратики. Поодаль расположился обоз.

Над походной кухней поднялся дымок, и длинные ряды коновязи обозначили наше расположение. Казаки забегали по аллеям, обозные бросились «раздобывать дровец для кипятку».

Пузанков и Горохов, вестовой командира, возятся возле наших выюков, снимая их с коней. Рядом казаки разбирают палатку для господ офицеров. Словом, и на новом месте мы чувствуем себя как дома. Надолго ли? Подходит вахмистр Лукьян Никитин, рыжий детина с добрыми, внимательными глазами.

– Разрешите, вашбродь, каптенармусу в штаб пойти.

– Разрешаю.

– А что, к примеру сказать, долго мы здесь простоим али, может, завтра и дальше?

– Не знаю, – отвечаю я, – вот придет командир, тогда узнаем.

– Надо быть, пойдем, – решает он. – А куда неизвестно?

– Неизвестно.

Лукьян добродушно смеется:

– А нам известно, вашбродь. Вон Вострикову уже сорока на хвосте нагадала, будто в обход пойдем.

Казаки улыбаются. Приказный Востриков, балагур, забияка и отчаянный хвостун, но вместе с тем и храбрый казак, не теряется:

– Кому на хвосте, а кому и на кукане.

Казаки не выдерживают. Хохочут все, даже свысока глядящий на строевых сотенный писарь Гулыга невольно улыбается.

– Что такое «кукан»? – спрашиваю я.

Хохот усиливается:

– Про кукан вам расскажет Лукьян, потому как он ищерский, а ищерские ребята козу с попом хоронили, – быстро барабанит Востриков, окидывая прищуренными глазами хохочущую аудиторию.

– А ну тебя, – сплевывает вахмистр, – одно слово – балаболка. Скрипит, как чеченская арба.

– А на той арбе едут гости к тебе, упередил поп, протирай лоб, позади попадьа, а в середке коза. А ищерцы, хваты, теплые ребята, козу за архирея приняли, залезли на колокольню – да в колокол... Бум! Бум! Народ сбежался. «В чем дело? Что за шум?» – «Архирея, грит, ожидаем». Подъехали, а заместо архирея – поп с козой...

– Хо-хо-хо!..

Казаки ревут от восторга, даже сам Лукьян смеется, машет рукой и сквозь слезы кричит:

– А ну тебя!

Рядом весело заливаются прапорщики Зуев и Химич.

Постепенно казаки расходятся. Ушел и вахмистр. Ужин готов, чай закипает, и в сторону кухни тянутся десятки вооруженных мисками и котелками людей. Другие в ожидании еды достают соль, режут хлеб, вытаскивают ложки. Пузанков вынимает из сумки жареную курицу, и мы – я, Химич и Зуев – принимаемся за еду. У Химича нашлась в баклаге арака. Она крепка, неприятна на вкус и к тому же отвратительно пахнет, но тем не менее мы с удовольствием пьем этот зверский напиток.

– Вашбродь, а лепешки к чаю давать? – спрашивает Пузанков.

«Лепешки» – это бисквиты «Гала-Петер», которые он по-своему, по-станичному, упорно принимает за «кругляши»⁸. Мы едим их, пьем чай с клюквенным экстрактом, болтаем о всяких пустяках и с нетерпением ожидаем возвращения есаула. Оба прапорщика догадываются, что мы уходим в какой-то необычный рейд, и эта таинственность еще больше интригует и волнует их.

– А у меня, Борис Петрович, здесь знакомые, – сообщает Зуев, – сестры из лазарета «Союза городов»⁹. Если хотите, вечером проедем к ним в гости, они будут очень рады нам.

Я улыбаюсь, глядя на зардевшееся лицо юноши. Он окончательно смущается.

– Ей-богу, вы не подумайте ничего дурного, – торопится уверить он. – Одна из них – моя двоюродная сестра, а другие – ее подруги.

Но мне и в голову не приходит мысль дурно истолковать его желание. Вот уже почти два года, как мы оторваны от наших семей, от привычного нам круга молодежи, скитаемся по фронтам, тянем скучную ляжку в глухих, заброшенных уголках. Все мы огрубели и чувствуем непреодолимую потребность в женском обществе.

Химич пытается грубовато сострить, но, прочитав в моих глазах неодобрение, умолкает.

Химич – прапорщик из казаков. Это бывший вахмистр, оставшийся на сверхсрочной службе. Он хитрый, очень неглупый, упрямый человек. Я его люблю за мужество и прямоту, а Гамалий – еще и за отличное знание службы. Химич – знаток уставов и строевых занятий; грудь его украшена четырьмя солдатскими Георгиями, и я думаю, что скоро у него будет и пятый – офицерский. Казаки недолюбливают его, вероятно, за строгость и требовательность и за глаза называют «шкура-прапорщик».

Из конвоя пришел казак с запиской. Это офицеры просят пожаловать к ним часам к десяти вечера, поужинать.

«Поужинать» – значит хорошенько выпить, вдоволь посплетничать о штабных делах и затем до самого утра дуться в девятку и в шмен-де-фер¹⁰. Мы благодарим за приглашение и обещаем быть.

Наконец по аллее стучат копыта. Это рысит Гамалий. Есаул слезает с коня, оглядывает казаков, обходит коновязь, смотрит за вечерней уборкой и, справившись, хорошо ли поужинали казаки, идет к нам в палатку.

– Чайкю бы, – говорит од.

«Чайкю» – свидетельствует о хорошем настроении. Есаул просит «чайкю» обычно тогда, когда он доволен всем. Он жадно глотает полуостывший чай, затем засовывает в рот полплитки шоколада и, с хрустом разжевывая его, сообщает:

– Ну-с, друзья, приятная новость. Выступаем только через три дня. За это время отдохнем, повеселимся, поухаживаем, а потом... – он понижает голос, – в путь.

– Куда? – замирая от нетерпения, спрашивает Зуев.

– На кудыкину гору, в славный стольный град Багдад.

⁸ Домашние лепешки.

⁹ Организация городской буржуазии, созданная в 1914 году для помощи правительству в деле ведения войны.

¹⁰ Азартная карточная игра.

Оба прапорщика улыбаются, они принимают слова есаула за шутку.

– Да, да, в Багдад – через фронт и тылы неприятеля, на соединение с англичанами.

Химич застывает в непередаваемой позе, а Зуев вскакивает и долго трясет руку Гамалию.

– Ну, ну, вы, рябчик, не оторвите мне руку, бо она еще пригодится, – шутит есаул, – да, кстати, не волнуйтесь, а не то проговоритесь раньше времени.

Мы окружаем Гамалию, и он вполголоса начинает рассказывать о нашем маршруте, водя карандашом по карте. Названия неведомых нам мест слетают у него с уст десятками. Здесь и Луристан, и Курдистан, и пустыня Лут, и оазис Хамрин, и еще целый ряд таких же странных, экзотических имен. Химич молча, сосредоточенно слушает, внимательно следя за движущимся по карте карандашом. Зуев полон задора и молодого веселья. Радость его, видимо, не знает границ, и вряд ли он сейчас понимает то, о чем рассказывает Гамалий.

Наконец есаул кончил. Мы лежим на кроватях, закинув руки за головы, и каждый мысленно представляет себе будущий путь... Начинает темнеть.

– Ну-с, господа, а теперь давайте обдумаем, что мы будем делать сегодня, ибо эти три дня полностью даны нам для веселья.

Зуев горячо доказывает, что если он сегодня не посетит лазарета, то все сестры во главе с его кузиной будут кровно обижены, и приглашает нас отправиться с ним. Химич дипломатически молчит. Я напоминаю о приглашении офицеров конвоя. Гамалий добродушно смеется:

– Ну ладно. На то и поп в станицы, щоб булы у дивок паляници. Я останусь, а вы, хлопцы, идите до ваших сестриц, тильки чур не грешить та не засиживаться. А писля ступайте до конвойских.

Вечереет. Зажигаются огни. Издалека несутся звуки гармошки: за парком веселятся пограничники. Казаки тихо тянут заунывные станичные песни.

Ой, та из-за моря Хвалынского...—

звонко и с чувством выводит подголосок.

Ржут кони, и за палаткой с кем-то вполголоса разговаривает Пузанков.

– А ты б ему, черту, на пузо коленкой наступил, – советует он.

– Да, ему наступишь. Он, стерва, как вцепился зубами в руку – насилу оторвали, – жалуется незнакомый мне голос.

Оба отходят, голоса затихают. Со стороны дворца гудят рожки автомобилей и неясно несутся: «Здрав желаем... ваш... приство!»

Я засыпаю...

Часов в девять мы остановили коней у высокой стены, над которой ярко горело несколько керосиновых ламп, освещающая большую железную вывеску с аляповатой, незатейливой надписью: «Лазарет номер четыре Всероссийского союза городов». Мы соскочили с коней. Солдат-дневальный, сидевший у ворот, не спрашивая у нас ни пропуска, ни причины нашего визита, молча открыл ворота и пропустил нас внутрь. Такие наезды, как видно, были здесь не в диковинку. Перейдя двор, мы поднялись по лестнице и, следуя за прапорщиком, вошли в большую светлую комнату, где за столом сидела дежурная сестра. Дежурная была низенькая полная старушка с добрыми живыми глазами. Она указала номер комнаты сестры Буданцевой, кухни Зуева, и через несколько минут мы сидели в просторной комнате с множеством фотографий на стенах, с белыми кружевными накидками на постелях и чистой скатертью на столе. Шелковые цветные материи украшали стены, расписной мягкий ковер лежал на полу. Было тепло, уютно и как-то необычно. Пахло одеколоном и сиренью, цветы которой глядели отовсюду. Чистота, покой и уют смутили нас. Мы так давно не пользовались ими, что чувствовали себя неуверенно и

робко в этой забытой уже нами обстановке. Три хозяйки комнаты, милые молодые и веселые девицы, любезно встретили нас и засыпали градом вопросов.

– Петя, скверный мальчишка, не мог заранее предупредить, свалился как снег на голову! – жаловалась сестра Зуева, весело поблескивая глазами и кокетливо улыбаясь.

Несмотря на то что я довольно скоро освоился с обстановкой и уже через полчаса держался непринужденно, все же чувство неуверенности не совсем покинуло меня. Химич, еще больше, чем я, стеснявшийся женщин, пил без конца чай, кряхтел и смущенно улыбался. При каждом вопросе, обращенном к нему, он краснел и односложно, неловко повторял: «Так точно... Да, да... Нет... Благодарствуйте...»

Мне было жаль бедного прапорщика, хотя я чувствовал, что и сам недалеко ушел от него. Наконец коньяк, неизвестно откуда появившийся на столе, поднял общее настроение, и я после трех-четырех рюмок «Мартеля» вошел в свою колею.

Больше других понравилась мне кухня Зуева, хорошенькая смуглая вертушка с ослепительно белыми зубами и полными округлыми руками. Не знаю, как и во что вылилось бы наше посещение, если бы дежурная сестра не предупредила, что приехал старший врач и что возможен ночной обход.

– Пустяки... пустяки... Это все болтовня. Оставайтесь! – шептала мне Буданцева.

Но, не желая вызывать нареканий начальства по адресу сестер, я твердо решил уехать.

– Ну, глупенький, куда же вы теперь поедете? – улыбалась Буданцева.

Я пересилил себя и пообещал завтра снова вернуться, поцеловал ручки сестер и вышел.

Когда мы садились на коней, по лестнице грузно поднимались какие-то военные, не совсем твердый голос говорил:

– А какое там вино... и... и... батенька, просто пальчики оближете, а шашлы-ык, честное слово, язык можно проглотить...

Другой что-то утвердительно промычал в ответ. Кажется, мы на самом деле напрасно поспешили с отъездом.

Проехав несколько сажень, мы остановились в раздумье. Было около одиннадцати часов, ехать обратно в Северин не хотелось. Несколько секунд мы молчали, придерживая коней. Наконец Зуев, чаще нас бывавший в Хамадане и лучше знакомый с городом, предложил:

– Едемте в ресторан, здесь совсем неподалеку, на площади Сабзе-Майдан, есть очень уютный небольшой ресторанчик, при котором находится и игорный дом. И то и другое содержит какой-то грек.

Мы раздумываем. Зуев продолжает:

– Иногда бывают и женщины, главным образом проезжие сестры.

Решили ехать. Снова по уснувшим улицам цокают копыта наших коней. Изредка встречаются одинокие прохожие, раза два мимо проехали конные, на скудно освещенных перекрестках стоят одинокие испуганные полицейские. Мы едем мимо лениво бредущих солдат. Наконец кривая улочка поворачивает на большую четырехугольную площадь с парком посередине. Сейчас парк пуст и чернеет во мгле. В нем журчат невидимые ручьи и плещется вода: это фонтан и водоемы.

Яркие огни освещают окна домов. Сабзе-Майдан – торговый центр и нерв европейской части города. Здесь расположены почти все гостиницы, носящие громкие имена. Тут и «Пале-Рояль», и «Париж», и «Лондон», и даже странная вывеска «Тифлисский Тилипучури». Мы останавливаем коней у «Лондона». Приветливо горят огоньки, мелькают фигуры. Несколько оборванных нищих подбегают, кланча подаяние. Вестовые отводят коней. Поднимаемся наверх. Комната, за ней другая с буфетом и стойкой, дальше большой зал с двумя серыми колоннами. На полах ковры, на стенах зеркала, два трюмо и ряд дешевых олеографий, помещенных в безвкусные золоченые рамы. Большой фикус стыдливо прячется в углу, заме-

няя собой пальму. Все залито светом газовых фонарей, газ шипит и потрескивает. Из зала несется гул.

Проходим в зал. За столиками сидят посетители. Преобладают военные, мелькают защитные френчи и рубашки земгусаров¹¹, иногда белым пятном вырисовывается косынка сестры. В зале шумно, душно и накурено. Под потолком немолчно гудит большой вентилятор. Между столиками снуют лакеи. Посетителей обходит хозяин ресторана грек Мавропуло, и его феска алым маком проносится по комнате. Садимся, заказываем ужин и предварительно выпиваем холодной водки. Химич крикает...

– Вот это да! – решает он. – Лучше нет, как водка на льду, да если бы сюда хоть шматочек красного перцу, прямо было бы пей – не хочу.

Гул растет. Я оглядываюсь. Все незнакомые, чужие лица. Женщин очень немного, да и те не обращают на мои взгляды никакого внимания. С горя принимаюсь за еду. Звенят ножи. Химич сочно чавкает, уплетая шашлык по-карски. Зуев, обычно ничего не пьющий, поддается общему настроению и пьет красное вино бокал за бокалом. Время бежит... Химич вспоминает об ожидающих нас на улице вестовых и, подозвав грека, приказывает приготовить для них три шашлыка с вином.

Скоро полночь. Столики постепенно пустеют, часть гостей разъезжается, некоторые проходят через зал мимо нас.

– Это в игорную комнату, – говорит, поводя глазами, осоловелый Зуев.

Наконец встаем и мы. Прапорщик почти пьян. Я и Химич бережно ведем его к выходу. Вдруг он делает движение и говорит неестественно трезвым голосом:

– Господин сотник, разрешите мне поиграть в карты...

– Полноте, молодой... – уговариваю я. – Не стоит, едемте-ка лучше домой, баиньки.

– Никак нет! Я хочу играть.

Он упирается и тянет нас в игорный зал. Химич нерешительно говорит:

– Борис Петрович, а что, если взаправду по маленькой сыграть? Греха не будет, а может, повезет.

Мне самому не хочется домой, я слабо протестую и иду за моими неверными спутниками.

Игра в полном разгаре. За столиками сидит самое разнообразное общество: здесь и офицеры, и земгусары, и два каких-то доктора, и ряд штатских лиц. Некоторые сидят за столами, другие прохаживаются по комнате и заглядывают к ним в карты, иные толпятся у столов. Дым клубами носится над людьми. Тихо. Говорят сдержанным шепотом, мерно и деловито звучат голоса банкюетов, приятно звенят туманы и шуршат, как шелк, бумажки. Мы садимся за общий стол. Услужливый крупье подвигает нам карты. Я бросаю на стол пятьдесят рублей, Химич роется в бумажнике, Зуев опускается на стул и мгновенно засыпает непробудным сном.

Время идет. Игра сильнее и сильнее захватывает меня. Многие ушли, оставшиеся с осоловелыми лицами продолжают играть. Нам не везет. И я и Химич проигрываем. Из семисот рублей, отложенных мною на отпуск, осталось не более ста. Химич волнуется, рвет карты, поминутно лезет в карман и, зверски ругаясь, бросает на стол скомканные ассигнации. Деньги текут к каким-то двум очень любезным и весьма предупредительным субъектам. Наши карты регулярно бывают биты. Постепенно за столом остаемся лишь мы, оба банкюета и еще три-четыре неизвестных офицера. Игра продолжается. Я вообще всегда проигрывал, но так, как сегодня, никогда не случалось. Сдерживаю волнение. Иногда один из партнеров встает, отходит к стойке, выпьет, подкрепится и снова возвращается к нам. Дым плавает по комнате. Ресторан пустеет, и только мы, да два-три пьяненьких доктора и земгусары продолжают вести неравную, но отчаянную игру. У меня остается рублей двадцать пять. Химич неистощим. Скомканные,

¹¹ Презрительная кличка служащих «Земского союза» и «Союза городов», обслуживающих тыл армии во время мировой войны.

неровные сторублевки, розоватые четвертные и серые полусотни сыплются из его карманов дождем, словно из рога изобилия. Я встаю, пью у стойки сельтерскую и прохожу в уборную. Мои чувяки неслышно ступают по полу. У самых дверей я неожиданно слышу шепот, узнаю осторожный хриплый голос грека, хозяина:

– Довольно... Надо закрывать... Кончай играть.

Ему возражает чей-то ласковый голос:

– Еще рано. Еще хоть полчаса... У второго казака много денег... Подожди еще полчаса.

Я узнаю голос моего партнера по игре.

– Нельзя, довольно. Проиграет все – скандал будет, – уговаривает грек.

Я припадаю к щели уборной. Два человека, чуть озаряемые ночником, еле слышно беседуют между собой. Наконец грек соглашается, его собеседник вынимает из кармана колоду карт и начинает подтасовывать ее. Я отскакиваю от щели и так же неслышно исчезаю в дверях. Игра идет тем же темпом. Сейчас Химичу немного повезло, и его бледное лицо оживилось. Указывая на пачку ассигнаций, лежащих перед ним, он гордо говорит:

– Карта не кобыла, к утру повезет.

На оттоманке, разметавшись, безмятежно спит Зуев; сладко посапывает, свесив голову на зеленую грудь, заснувший на стуле земгусар. На столах карты, остатки неубранной еды, откупоренные бутылки, кучки денег и бледные, жадные, трясущиеся руки игроков. На полу белеют кусочки разорванных Химичем карт. Хмурый, неуверенный рассвет лезет в окна. Грек со сладкой улыбочкой подходит к нам.

– Господа офицеры, еще полчаса... *c'est impossible*, а потом я закрывай свой заведений. Нон, нельзя, – любезно скаля зубы, улыбается он.

– Какой черт полчаса! – грубо говорит Химич. – Ободрали как липку, да еще полчаса. Валяй до конца – или верну все, или проиграю.

Я тихонько спрашиваю его:

– Откуда у вас столько денег?

Он минуту молчит, потом с отчаянием смотрит на меня и еле слышно выдавливает из себя:

– Казенные... сотенные.

Грек наклоняется к нам и снова бормочет:

– Месье, нон, нельзя, один полчаса можно.

– Хорошо, только полчаса, нам хватит и этого времени, – говорю я.

Химич с недоумением смотрит на меня. Входит второй, находившийся в уборной банкомет и садится рядом со мною. Игра продолжается. В банке две тысячи сто рублей. Очередь доходит до меня. Я коротко говорю: «Банк». Химич ахает, банкомет любезно кивает головой. Мой сосед протягивает руку, чтобы перетасовать колоду. В ту же секунду, схватив его за руку, я изо всей силы ударяю по ней рукояткой нагана. Шулер, ахнув от боли, визжа, падает на пол. Из его руки выскакивают карты и веером разлетаются по столу.

Прапорщик вскочил.

Грек быстро скользнул к двери, но Химич одним прыжком опередил его и заслонил телом проход. Игроки, волнуясь, вскочили.

– Накладка, смотрите, господа, шулерская накладка, – возмущается земгусар, разглядывая карты, которыми шулер пытался накрыть колоду.

– На пять рук сработал, негодяй! – негодует доктор. – Бить их надо, подлецов!

Оба шулера растерянно прижимаются к окну, испуганно оглядывая комнату и ища щель, в которую можно бы нырнуть. Грек, размахивая руками, суетится около нас, перебегая от одного к другому и жалобно уверяя:

– Нон, нон... Это не зулик, это ошибки. Я очень хорошо знай этот человек.

Лицо Химича медленно наливаясь кровью:

– Молчи, гадина!..

Грубо, по-казацки выругавшись, он с размаху ударяет по шее грека.

Зуев, который мирно спал сном праведника, вскочил, разбуженный шумом, и, еще не понимая, в чем дело, неистово завопил:

– Бей их, кроши супостатов!

Выхватив наган, он не останавливаясь выпалил все семь зарядов в низенький, нависший над нами потолок. Сверху посыпалась отбитая штукатурка, и с мягким треском разлетелась вдребезги висячая лампа, в которую угодила одна из пуль неистового прапорщика.

– Господа, да довольно же! – испуганно закричал доктор.

– Зуев, довольно! Прекратить! Ну-с, фендрик, вам говорят прекратить! – рявкнул я, хватая за плечо осатаневшего прапора.

– Слушаю, господин сотник! – хрипло сказал он.

– Прапорщик, обыскать шулеров и отобрать деньги.

– Слушаю-с! – радостно ответил Зуев.

– Позвольте, господа, это же произвол, это же ни на что не похоже, – попытался было запротестовать один из земгусаров. – Господин поручик, – обратился он ко мне, – по долгу и совести мы не можем допустить этого.

– Вон! – в бешенстве закричал я.

Химич ринулся к земгусару, еще секунда – и оба, и доктор, и земгусар, пульей вылетели и не останавливаясь промчались через зал.

– Всё, – сказал Зуев, сгребая отобранные бумажки.

– Ладно. А теперь домой, – скомандовал я.

Проходя мимо стойки, Химич остановился, секунду размышлял, затем, снова выдернув пашку, изо всех сил ударил ею по целой серии всевозможнейших уставленных в ряд бутылок. Звенья и дребезжа, разлетелись осколки. Разбитая посуда запрыгала по полу. Густой ароматной рекой потекло разноцветное вино, заливая стойку и скатерти, ручейками стекая на грязный пол.

Когда мы сходили вниз, где-то во дворе прошмыгнули две испуганные тени. Вестовые подали коней.

– А что, вашбродь, задали перцу жуликам? – полюбопытствовал Тарасюк.

Получив утвердительный ответ, он сказал:

– Так им и надо, гадам, ще мало...

Мы тронули коней, к нам не спеша подошел патруль. Молоденький прапорщик, взяв под козырек, спросил:

– Простите, господин поручик, вы, случайно, не знаете, что это за крики были в этом ресторане? Мы патруль военной полиции и совершаем ночной обход.

– Это... А это мы проучили немного двух шулеров, – равнодушно ответил я.

Прапорщик засмеялся:

– И хорошо?

– Да, как следует, – подтвердил Зуев.

– Мало не будет, – добавил Химич.

– Ну, пока всего, – трогая коня, сказал я.

– Спокойной ночи, – прикладывая к козырьку руку, попрощался прапорщик.

Мы погнали коней. Было совсем светло, но все еще спало, и только одинокие, бездомные псы уныло бродили по кривым улицам Хамадана.

– Получите ваши семь тысяч рублей, – сказал я, протягивая Химичу пачку пятисоток, с которых косился на нас хмурый Петр.

Я продолжаю считать. Сбоку сидит Гамалий, из-за его спины выглядывает веселая физиономия Зуева. Сейчас прапорщик опять похож на красную девицу, и при моих воспоминаниях он краснеет и смущенно бормочет:

– Ну уж вы, Борис Петрович, на меня поклеп возводите.

Хорош поклеп! Не хотел бы я попасть к этому юнцу в минуты его садического исступления. В его больших серых глазах всегда горит какой-то тревожный, больной блеск. Недаром отец Зуева, неожиданно для семьи, сошел с ума, а старший брат так же неожиданно повесился.

Химич старается не глядеть в глаза Гамалию. Есаул молчит и не пытается расспрашивать меня о деталях происшествия, но я, хорошо знающий его, чувствую, что он глубоко негодует на нас.

– А вот и украденные у меня семьсот рублей, – говорю я, – придвигая к себе небольшую пачку денег. На столе остается еще довольно значительная сумма.

– А что вы намерены делать вот с этими деньгами, украденными моими славными офицерами! – улыбаясь, говорит Гамалий, но глаза его вовсе не смеются, в них я читаю холодный гнев.

– Да думаю передать в Красный Крест, – говорю я также спокойно, хотя меня охватывает смущение.

– Вот именно, самое подходящее для них место. Отнять у вора, у шулера и передать в Красный Крест...

– А куда же? – растерянно спрашиваю я.

– Вот куда! – сухо отрезает есаул.

Его рука сгребает ассигнации и одним судорожным движением кидает их в огонь, который теплится в мангале¹², тут же, у наших ног. Бумажки трещат, свертываются, по ним пробегают огненные язычки, и они слабо, как бы неохотно вспыхивают неровным синеватым огнем.

Химич, выпучив глаза, не сводит взора с пылающих бумажек. Зуев рад. Его глаза горят ярче, чем эти деньги.

– А теперь, господа, я просил бы вас оставить меня наедине с сотником, – продолжает Гамалий.

Зуев и Химич исчезают. Мангал догорает, и деньги, превращенные в пепел, черной кучкой виднеются на золотых раскаленных углях.

Минута проходит в молчании. Затем есаул говорит:

– Сегодня нас приглашают на обед к командиру корпуса. Обед званный. На нем будет вся штабная знать, английские представители, дамы – словом, весь «двор», окружающий генерала Баратова.

Я теряюсь: никак не мог предположить этого разговора.

Гамалий продолжает:

– К вечеру получим инструкции, а завтра с рассветом в путь.

– Завтра в путь? – с удивлением восклицаю я.

– Ну да. Разве я не говорил вам? Обещанные вчера три дня уже сократились. Получены новые сведения: турки развивают свой успех на месопотамском фронте, и английское командование настойчиво торопит нас. Господа союзники, по-видимому, в расстройстве и рассчитывают на наш рейд как на своеобразный допинг, который должен подбодрить английские войска. – Есаул криво усмехается, покусывая губу.

– Ну что же, Иван Андреевич, и то хорошо. Сегодня – во дворец, а завтра – в дорогу.

Гамалий добродушно смеется:

– Именно, из дворца прямо в поход.

¹² Жаровня, употребляемая обычно для согревания помещения.

Удивительное влияние имеет на нас всех этот человек. Моя злость растаяла как дым. Он встает и, потягиваясь, говорит:

– Ну, треба пойти побачить коней. – И, приятельски похлопывая меня по плечу, продолжает: – А на меня не сердитесь, гадкий случай... мерзкий. Уверен, что вы сами, вспоминая о нем, краснеете. Пусть лучше Химич проиграл бы все казенные деньги, мы бы сложились, заняли и покрыли этот проигрыш, было бы лучше и для вас, и для него. А теперь черт знает что... Гадость...

Он брезгливо морщится и идет к выходу. У дверей оборачивается и говорит:

– Ну больше, друже, ни слова, хай ему бис. Ничего не было.

Через несколько минут в палатку осторожно просовывается голова Химича:

– Борис Петрович, а Борис Петрович!

Я гляжу на него.

– Ругал? – деля испуганно-глупые глаза, любопытствует прапорщик.

– Нет. Говорил о поездке.

– Ну-у, – недоверчиво тянет он. – А я думал, что он проглотит вас.

– А ну вас к черту! – внезапно раздражаюсь я.

Бедный Химич глупеет окончательно и моментально втягивает обратно голову. Я сижу мрачный, не отрываю глаз от потухших и покрывшихся золою углей. Черные катышки денег лукаво смотрят на меня и неслышно шепчут: «Поделом... поделом...»

Алаверды, господь с тобою,—
Вот слова смысл, и с ним не раз
Готовился отважно к бою
Войной взволнованный Кавказ...—

сладко заливается тенор солиста-казака, и мягко, в тон ему, гудят басы, рокочут баритоны. Дирижирует высокий полный подхорунжий. В его руке дрожит камертон. Это регент конвойского хора, составленного из наиболее голосистых казаков дивизии. На груди у большинства из них белеют серебряные Георгиевские крестики.

– За аллилую получили, – острят над ними казаки.

Певцы выражены в синие черкески из прекрасного сукна и белоснежные барашковые папахи. Люди подобраны под один рост. Эта «придворная капелла», как ее здесь называют в шутку, кочует вместе с генералом, следуя за ним даже на позиции. Помимо певцов тут есть и танцоры – исполнители лезгинки и гопака. Вся эта челядь служит исключительно для услужения высшего начальства. При «дворе» Баратова имеется решительно все: и своя свита, и стая угодливо улыбающихся, расторопных пажей-адъютантов, и «прекрасные дамы», которых вербуют тут же, в тыловых госпиталях, и свои бесплатные певцы, и балет. Любят здесь помпу, что и говорить! И никто не задумывается даже над тем, что эта веселая, сытая и беспечная жизнь сотни-другой трутней вызывает недовольство и возмущение фронтовиков, кормящих собою окопных вшей. И казаки, и строевые офицеры недружелюбно косятся на этих «счастливчиков», устроивших из войны веселый, непрерывный пикник.

Певцов сменяют музыканты. Несутся лихие, зажигающие звуки лезгинки. Выкрикивая гортанные, непонятные слова и сверкая кинжалами, пляшут осетины-казаки, черными тенями мелькая в быстром танце. Остальные «дают жару», хлопая в такт в ладоши.

Обед подходит к концу. Мы сидим в бесконечно длинной виноградной беседке. Над нами перевитые лозы, ветви и листья. Лучи солнца лишь с трудом просачиваются сквозь это густое сплетение. Вокруг беседки аккуратно подстриженные кусты, изумрудная зелень газонов, пышные клумбы цветов, наполняющие воздух пьянящим ароматом хамаданских роз. За столом

десятка три людей: офицеры, сестры, штабные «моменты»¹³, генерал, еще генерал и, наконец, во главе стола «сам», владыка этих мест – корпусной. С него не спускают сладких, умиленных глаз генштабисты. По обеим сторонам от него – две краснокрестовские сестры, две фаворитки. Одна – героиня сегодняшнего дня; другой, как уверяют, принадлежит «завтра». Но сейчас обе они любезны до приторности друг с другом, хотя в этом взаимном ухаживании и чувствуется глубокая животная ненависть. Полковник Каргаретели, невысокий, смахивающий на обезьяну человек с хитрыми глазами и подобострастными жестами, говорит речь. Музыка смолкает, танцоры скрываются в толпе. Мягко журчат льстивые, щекочущие самолюбие «самого» слова:

– Наш корпус... храбрый... вошел в историю только потому, что во главе нас...

Наконец он смолкает. Все вскакивают и протягивают бокалы в сторону корпусного. Вокруг генерала толпятся. Каждый хочет убедить его в своей преданности и любви. Музыка играет туш и специально сочиненный на досуге капельмейстером одного из казачьих полков «баратовский» марш. На нас, «мелкоту» – хорунжих, сотников и даже есаулов, – никто не обращает ни малейшего внимания. Мы сидим в хвосте длиннейшего стола, и каждый из нас говорит что хочет и пьет за кого вздумается. Те, кому не хватило мест за большим столом, пристроились к так называемым «музыкантским» – двум небольшим столикам – и чувствуют себя там превосходно, подальше от аксельбантов, «моментов» и начальственных глаз бесчисленных командиров.

Рядом с «ныне царствующей» фавориткой сидит худой остроносый человек в иностранном мундире, с большим, выдающимся кадыком. Это майор Робертс – британский военный агент при нашем корпусе. О нем втихомолку говорят в штабе, что этот офицер в небольшом чине значит не менее генерала, что через голову корпусного он поддерживает непосредственную связь со ставкой великого князя¹⁴ и что сам Баратов не брезгает заискивать перед ним. Я присматриваюсь к нему. Бесстрастное, чисто выбритое лицо, типичное лицо надменного бритта, и только мутно-серые, глубоко ушедшие под лоб, жестокие глаза да квадратный подбородок свидетельствуют о властном характере и силе воли этого человека.

Обед подходит к концу. Казаки и лакеи-персы разносят фрукты и мороженое. Звонче становится смех женщин, чаще звенят бокалы. Каргаретели нагнулся к одной из фавориток и что-то шепчет ей на ухо. Она жеманно откидывается назад и, закатывая глаза, хохочет мелким, деланным смехом.

В центре стола возникает веселое оживление. Раздаются возгласы: «Просим! Просим!» Со своего места встает красивый, холеный офицер в прекрасно сшитом новеньком френче с полковничьими погонами. Все стихает. Мастерски подражая манерам парижских шансонеток, полковник поет хрипловатым, словно с перепоя, голосом скабрезную французскую песенку:

*J'ai connu une blonde,
Il n'y a qu'une seule au monde¹⁵.*

В самых пикантных местах дамы стыдливо потупляют глазки, а мужчины громко хохочут. Полковник заканчивает под гром аплодисментов. Сам корпусной смеется и награждает певца несколькими хлопками.

Рядом со мною сидит Гамалий. Он с аппетитом ест, обильно запивая кушанья красным вином. Лицо его замкнуто, и я тщетно пытаюсь прочесть в его глазах впечатление от всего того, что происходит вокруг нас.

¹³ Презрительная кличка, данная строевыми офицерами вылощенным генштабистам царской армии.

¹⁴ Николая Николаевича, в то время главнокомандующего Кавказской армией. Ставка находилась в Тифлисе.

¹⁵ Я знал блондинку, другой такой не было в мире.

Наконец генерал встает и в короткой речи благодарит гостей. Снова шум, приветствия, подобострастные взгляды. «Музыкантский» стол гремит «ура», и под звуки оркестра, играющего генеральский марш, корпусный в сопровождении Робертса уходит через сад в свои покои.

Зуев и Химич, оба основательно охмелевшие, выбираются из толпы бушующих офицеров и, покачиваясь, бредут к нам.

– А мы за вами, – лепечет Зуев, – мы за вами, господин есаул. Верьте, честное-е... слово... мы за вас... ду-у... шш... – Он заикается и тянет: – Ду-у-шу отда-а-дим.

– Отдадим, ей-богу, – подтверждает Химич.

– Ну, ребята, – ласково перебивает Гамалий, – верю, верю вам, вот скоро и докажете все, а теперь сидайте на коней и айда в сотню, через час и мы приедем.

Зуев, пошатываясь, берет под козырек, а Химич смеется хитрым казацким смешком и пьяным, фамильярным голосом говорит:

– Начальство до дивок п-ишло... пон-нимаем... Ну, нехай вам боже, а нам опишла!

Оба бредут к воротам разыскивать своих вестовых в куче перемешавшихся людей и лошадей. Мы идем в комнату дежурного штаб-офицера.

Сад пустеет.

Гамалий в отличном настроении. Он вспоминает свою службу вольноопределяющимся в 1904 году.

– ...У нас, среди вольноперов того времени, был один удивительный фрукт, графчик Олсуфьев, маменькин сынок, благородный отпрыск старого дворянского рода, – прислала его к нам в полк аристократка тетка, чтобы отхватил он себе медальку на георгиевской ленте или крест, – каким-то родственником приходился нашему полковому командиру, князю Трубецкому. Но как на грех приезжает этот фендрик, а князь накануне из-за болезни в Петербург эвакуировался и к нам назначили командиром генерала, да не из салонных, а простого, строевого, всю свою жизнь в гарнизонах тянувшего лямку. Генералу этому плевать на сиятельное родство и титулы его вольноперов. Вот идет как-то командир через двор, а навстречу ему Олсуфьев – службы графчик не знал, строя не любил, нас, простых смертных, чурался – и небрежно этак прошел мимо командира. Тот кричит:

«Кто таков?»

«Граф Олсуфьев», – отвечает фендрик и этак изящно приподымает фуражку.

«Граф?.. Я тебе покажу графа! Отчего честь не отдал? Отчего во фронт не стал?»

«Не заметил, – говорит, – ваше превосходительство, а к тому же прошу не кричать на меня и не „тыкать“, меня это нервирует».

«Нервирует? А ну, вахмистр, в карцер этого неврастеника на десять суток! Я ему там нервы повылечу».

«Ваше превосходительство, я, – говорит фендрик, – в Петербург на вас князю Гагарину и генералу Куропаткину жаловаться буду».

Как затопает на него старик.

«Ах ты, – кричит, – штафирка! Жаловаться тетушкам да бабушкам на меня будешь?! На двадцать суток его, каналью! Да чтобы каждый день в строю был, а потом – в карцер!»

Отсидел наш графчик двадцать суток, вышел из карцера бледный, напуганный, похудевший и к нам вдруг проникся симпатиями, не отходит от вольноперов. Только на второй день угораздило его опять на глаза командиру попасться. Остановился он, смотрит на генерала и опять не отдает ему чести. Рассвирепел тот, побагрел весь:

«Вы это что, бунтова-а-ать? Издеваться над начальством? Упеку под суд! Поч-че-му не отдаешь чести?»

«Извините, ваше превосходительство, – совсем оторопел, говорит графчик. – Я думал, что мы с вами в ссоре!»

Тут уж и генерал растерялся. Поглядел-поглядел в невинные глаза Олсуфьева, плюнул: «Ну и дура-ак! Откомандировать это чучело из полка куда угодно!»

Мы весело смеемся. Особенно нравится рассказ Зуеву.

– Хороший анекдот, – заливаясь смехом, говорит он, – надо запомнить.

– Нет, господа, к сожалению, не анекдот, – вздохнув, продолжает Гамалий. – Вы видели сегодня возле командира корпуса высокого гвардейского полковника с пышными усами и «Владимиром» на груди?

– Того, что пел французскую шансонетку? – спрашиваю я.

Гамалий молча кивает головой.

– Так вот он сам, своей персоной, и есть полковник граф Алексис Олсуфьев, – медленно говорит Гамалий.

Зуев негодуя откидывается назад.

– Видно, тетушка продолжает ворожить ему. Полковник! – с непередаваемым презрением заканчивает Гамалий.

Нашу беседу прерывает конный драгун, прибывший из штаба.

– Вашскобродье! – шелкая шпорами и четко отдавая честь, докладывает он. – Их превосходительство генерал-майор фон Эрн требуют вас со старшим офицером к себе.

– Сейчас будем, – вставая, говорит есаул.

Драгун исчезает, и кованые копыта его коня стучат за палаткой.

Мы спешим в штаб.

– Видите этот зигзаг? Это караванная тропа, ведущая в ущелье Алдун. Отсюда тянутся еще две дороги. На этой карте их нет, но я провожу их карандашом для вашей ориентировки. Правая – вот эта – ведет в Хумезен и проходит по богатой долине Али-Аллах. Здесь вы найдете и скот, и фураж, и воду, но населяют ее воинственные кельхоры¹⁶, а западнее – дикие и враждебные нам луры пуштеку¹⁷. По этому пути вы смогли бы дойти при благоприятных обстоятельствах – повторяю: при благоприятных – суток за пятнадцать-шестнадцать. Это, конечно, в том случае, если у вас не будут падать кони, не заболеют люди и на вас не нападут враги. Второй путь, более трудный по условиям перехода, сулит вам меньше опасностей от неприятеля. Правда, ваш маршрут удлинится на несколько дней, и почти наверняка из состава сотни к концу останется лишь половина, но зато вы дойдете до англичан и выполните задание. При первом же варианте я больше чем уверен, что уже на полпути вы будете уничтожены турецкими регулярными войсками и бродячими отрядами противника.

Карандаш генерала Эрна скользит по карте, отмечая важные для нас ориентиры.

– Вот тут, – продолжает он, – заканчивается сравнительно мирная полоса. Далее идут области, не уточненные на карте. Что здесь за население и как оно отнесется к вам – трудно сказать. Но думаю, что главные затруднения начнутся не здесь...

Карандаш бежит дальше.

– Здесь, здесь и вот тут населенные области. В этих районах живет смешанное население, тут вы встретите и курдов, и арабов, и даже евреев. Кстати, мой совет: обходите подальше все селения и кочевья, идите балками и ущельями и продвигайтесь главным образом только по ночам. Пройдя эту зону, вы уже вступаете в пределы Месопотамии, на настоящую арабскую территорию, и вот тут-то, по моим расчетам, вас и ожидают главные опасности: безводье, бескормица, падеж коней, малярия и воинственно настроенное в пользу турок население. На протяжении сотен верст перед вами ляжет обширная песчаная пустыня с редкими путями и оазисами, прочно занятыми турецкими войсками. Вам надо будет обходить эти гарнизоны, ибо

¹⁶ Племя в Персии.

¹⁷ Племена луров делятся на две ветви: луров пешку и луров пуштеку.

они уничтожат вас в первом же бою. Помните и не забывайте, что вы будете находиться в тылу стотысячной турецкой армии и что задача ваша – встретиться с англичанами, а не партизанить в тылу противника. Что еще? Кажется, все. Ах да... вы, конечно, получите от меня деньги в золоте, тысяч до сорока. Не жалейте их. Привлекайте симпатии населения своей щедростью, а главное – не скупитесь на подкупы курдских ханов и старшин.

Мы молчим. Генерал волнуется и барабанит белыми, холеными пальцами по столу.

– Должен, господа, откровенно высказать вам свое мнение о походе. Я считаю, что это ненужная и бесцельная жертва. Но что поделаешь? Дипломатические соображения... Английское командование категорически настаивает на этом рейде.

– Ваше превосходительство, если бы вы и не сказали нам откровенно всего этого, все равно я был бы точно такого же мнения об экспедиции, в которую нас посылают. Я отлично знаю ее трудности и предвижу еще большие опасности, чем рассказали вы, и все же... – Гамалий выпрямляется и твердо чеканит: – И все же мы совершим этот переход и благополучно вернемся обратно.

Генерал пожимает ему руку:

– Итак, каким же путем: через Курдистан или в обход на Гилян¹⁸? Первый – опасен и вряд ли выполним, второй – легче, но утомительнее.

Минутное молчание, затем Гамалий твердо отчеканивает:

– Мы пойдем по первому пути, через Курдистан.

Начальник штаба ошеломлен. Он недоверчиво смотрит на есаула:

– Но ведь там вы непременно натолкнетесь на противника, и он уничтожит вас.

– Ваше превосходительство, були б тильки кони; поки казак мае коня, ему сам бис нестрашный, а як що у казака нема коняки, пропала його козацька голова.

Мы оба смеемся. Генерал удивленно разводит руками и соглашается.

Затем он показывает нам груды лежащих на полу небольших холщовых мешочков, крепко, крест-накрест, перевязанных упругой бечевой. На каждом из них белеет квадратный картон, по которому алым пятном расплзается казенная сургучная печать.

– В каждом по две тысячи золотых рублей, – говорит генерал, – вот эти пяти-, а эти десятирублевого достоинства. Всего двадцать пять мешков на общую сумму пятьдесят тысяч рублей. Помимо этого вот эти, – он показывает глазами на отдельно лежащие пузатые мешочки, – серебро, персидские туманы, это вам на дорогу. Денег не жалейте, в вашем путешествии они эффективнее пулеметов.

Гамалий пересчитывает мешки, я проверяю печати. Генерал обиженно бурчит:

– Все в порядке, мешки лежали под моим надзором. Соблаговолите, есаул, выдать мне расписку в получении содержания на расходы экспедиции и завтра с утра – с богом в путь.

Гамалий, вырвав из полевой книжки листок, пишет расписку. Я укладываю мешочки в специально предназначенный для них металлический ящик. Генерал звонит. В комнату входит адъютант, тот самый, который встретил нас вчера у подъезда штаба.

– Узнайте, пожалуйста, может ли принять нас по делу экспедиции майор Робертс.

– Так точно, ваше превосходительство, господин майор ждет вас.

Генерал щелкает замком, накладывает на ящик большую сургучную печать и передает ключ Гамалию.

– А теперь идемте к майору.

Выходим. Генерал запирает дверь, хотя перед ней стоят двое часовых с обнаженными пашками, и ведет нас по широкому, ярко освещенному коридору.

¹⁸ Здесь упоминается о Гиляне, граничащем с Месопотамией, а не провинции Гилян на севере Ирана.

Белая, отлично отлакированная дверь. На ней крупная, с золотым обрезом визитная карточка с надписью: «Майор Джозеф Робертс – представитель британской армии при русской ставке». То же напечатано и по-английски. Генерал негромко стучит, в ответ слышатся шаги.

Дверь раскрывается, и на пороге стоит сам майор. Он делает любезное лицо, рука его широким жестом приглашает нас. Комната, за ней другая и, вероятно, третья. Все ослепительно чисто, на полу – пушистый ковер. На стенах – до десятка карт; здесь и наш, и кавказский, и месопотамский фронты. Полстены занимает огромная карта Франции. По ней яркими цветными флажками обозначена линия Западного фронта. Алые и синие значки союзников тянутся от Альп до Антверпена. Их повсюду дублируют желтые флажки. Это немцы. В углу на оттоманке – огромный флегматичный дог, едва шевельнувший ушами при нашем появлении. На столах – стопки бумаг, циркули, линейки, две пишущие машинки. На всем лежит печать сухой аккуратности. Это рабочая комната майора. Вторая, полускрытая шторами, – по всей вероятности, его спальня. Оттуда слегка пахнет тонкими духами. Нам виден уголок стены, обитой дорогим ширасским шелком.

Садимся. Майор предлагает чай, но мы отказываемся. Не поворачивая головы, он бросает в пространство:

– Фредди!

Из боковой двери показывается белозубый солдат, его слуга. Робертс говорит ему что-то по-английски, тот так же невнятно бормочет в ответ, и через минуту перед нами стоят две бутылки виски, сифон с содовой водой и крепкие, ароматные сигареты. Фредди подает к виски какие-то неведомые мне печенья и так же бесшумно исчезает. Майор объясняется с нами по-русски. Говорит он неправильно, комкая и глотая окончания слов. Вначале я с трудом понимаю его. Он водит длинной указкой по карте месопотамского фронта и знакомит нас с расположением английских частей.

– Здэсь есть полк конница гвардейских улан, тут три батальон нью-зеланд пехот. Тут один бригад австралийский пехот. Здесь восемь батальон канадски волонтер. Здесь еще один дивизи английских пехот генерала Томсон, а здесь конница полковника Сайкс. Потом назад, сюда, где есть Кут-эль-Амара и Бассора, находится главный сил генерала Моуд. Вы будете встречаться с конница полковник Сайкс вот около этот мест или с конница гвардей улан около Мензари. Наши кавалерии будет искал вас через четырнадцать дней. Я думаю, что вы уже через два неделиа будете их увидеть. Теперь, какой войска имеет здесь неприятель? Тут курдский конница Гамидиэ, пять табор, тысяча четыре-пять. Тут черкесы, кавалерии тысяча человек. Здесь курдски, арабски и лурски племя, тысяча восемь-десять конница. И здесь регулярии войск генерал Джемал-паша. Два дивизи галлиполийски солдат. Очень крепки и хороши дивизи. Здесь корпус генерал Исхан-паша, и здесь три табор пехота и один бригада сувари. Всего сорок семь – пятьдесят тысяча людэй. Теперь вы узнали полны дислокация месопотамский фронт.

Гамалий с быстротой стенографистки записывает слова майора. Его карандаш летает по бумаге, делая нужные отметки.

Я тем временем думаю: «Если там столько британских войск, зачем понадобилось посылать туда еще нашу сотню? Какое значение может иметь ее соединение с английской армией и как сумеет прорваться она через такие густые завесы неприятеля?»

– Когда вы соединяйтесь с английской войска, – продолжает майор, – вы будете передать им этот пакет, очень важны и экстрени. По радиотелеграф они знают о вашем экспедейшен, и они очень рады встречать вас. Если экспедиций не удастся, – он многозначительно глядит на нас, подчеркивая слова, – тогда необходимо уничтожайт эти пакет. Вы понимает, господа?

Мы утвердительно киваем.

– Но я твердо знаю, что все будет очень хорошо и приятно, русски казак есть храбри люди, – улыбается он, и его квадратный подбородок раздваивается, выдавливая мертвую улыбку.

«Что же, не вы к нам, а мы к вам?» – приходит мне на ум, и я неприязненно гляжу на этого чужого человека, так просто и спокойно посылающего меня, моих друзей и сотню неведомых ему русских казаков на почти верную смерть.

Майор поднимает стакан и чокается с нами.

– За храбрый казаки и удачный поход!

Пьем.

– А вы знаете, сэр Джозеф, – говорит молчавший до сих пор генерал, – есаул Гамалий предпочитает идти не на Гилян, а через Курдистан.

Майор на мгновение погружается в раздумье, видимо прикидывая мысленно на карте наш будущий путь, а затем коротко, по-лошадиному обнажая зубы, смеется:

– У нас в Англии есть хороший поговорк: каждый герой сам ищет себе способа отличиться. Я думаю, господин офицер прав, этот дорога вернее. Сейчас вы будете взять у меня письма к курдским и арабским начальник и денег... золото на ваш путь. Это хороши помощник в такой экспедейшен.

– Я уже получил деньги, – перебивает его Гамалий.

– Да? Какой деньги? – поднимает брови майор.

– Пятьдесят тысяч рублей золотом, – поясняет есаул, с недоумением глядя на молчавшего Эрна.

– Да, это хороший сумма, – одобряет Робертс, – но вы будете эти деньги возвращайт господин генерал, – он любезно кивает в сторону Эрна, – а будете брать другой деньги. У меня, английский золото.

– Это зачем? – снова перебивает его Гамалий.

– Здесь, на Восток, наши деньги знают очень давно – гинеи, соверны; другой золото здесь неизвестно и нет цена. Тут наш сфер влияния, и чужой деньги пускать нельзя. Ви возвращайт этот пятьдесят тысяч рубль обратно и берет от меня десять тысяч фунт стерлинг. Новый золотой монет. Это сто тысяч ваши деньги.

Словно желая продемонстрировать нам неотразимую власть английского золота, майор небрежно извлекает из кармана брюк пригоршню новеньких, ослепительно блестящих золотых гиней и, показывая на вычеканенное на них изображение Георгия Победоносца на коне, поражающего дракона, говорит:

– За вас будет идти в атак кавалерия святой Георг.

Подобие улыбки на лице Робертса должно внушить нам, что англичане способны оценить юмор даже тогда, когда он приходится им далеко не по вкусу. Действительно, среди союзников уже ходит нелестная для боевых качеств английской армии острота о том, что Британия воюет главным образом с помощью «золотой кавалерии».

– Господин майор, – поднимаясь со своего места, говорит Гамалий, и в его голосе слышится гордая и вместе с тем неприязненная нота, – я русский офицер, службу своему государю и приказания получаю только от своего начальства.

– Хо-хо-хо! Правильный слова! – смеется Робертс, но глаза его остаются жестокими и холодными. – Однако вы напрасно горячитесь, этот действий уже согласован с генерал Баратов, и я только говорю его приказ. Не правда ли? – обращается он к Эрну.

Генерал смущается и поспешно подтверждает:

– Ах да! Действительно. Я забыл вам сказать, что таково приказание корпусного.

Робертс бесцеремонно встает, показывая, что беседа кончена, и как ни в чем не бывало добродушно протягивает нам руки:

– Вы уходите утром. Золото вам пришлут через час.

Мы молча ретируемся вслед за генералом. В своем кабинете Эрн тяжело вздыхает и молча покачивает головой.

– Что же это значит, ваше превосходительство? – уже не скрывая своего возмущения, говорит Гамалий. – Не щадя своей жизни, русские казаки и офицеры идут в исключительно трудный и опасный рейд, но на пути они должны пользоваться, расплачиваться с встречаемыми племенами лишь английским золотом. Ведь это же пропаганда британского могущества...

– ...и нашей слабости, – тихо и торопливо договаривает Эрн. – Но что я могу поделаться? Такова воля ставки и приказ корпусного. Там, наверху, готовы стоять навтыяжку перед англичанами, – и он бессильно пожимает плечами. – Все, что в моей власти, – это оставить при вас предоставленные мною пятьдесят тысяч, а дальше вы уже действуйте по своему разумению и на свой страх и риск.

Мне становится неловко при виде осунувшейся, сразу ставшей маленькой фигуры генерала.

Выходим во двор.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – медленно говорит Гамалий.

Садимся на коней и до самой сотни едем молча.

Возвращаемся к себе около полуночи. В нашей палатке уже сидят белозубый Фредди и штабс-капитан Корсун – прикомандированный к Робертсу для поручений русский офицер. Фредди молча указывает на опечатанный сургучной печатью цинковый ящик, а Корсун тихо поясняет:

– Десять тысяч фунтов стерлингов. Господин майор просил подтвердить получение денег. Отчета в расходовании и сдачи остатка не требуется.

Гамалий молча отворачивается, а я, написав расписку, вручаю ее Корсуну. Он и Фредди уходят.

Зуев безмятежно спит, но Химич уже успел протрезвиться и вместе с вахмистром обошел всю сотню, осмотрел коней и седловку, обследовал хозяйственную часть, проверил пулеметы и предупредил казаков о раннем выступлении в поход.

– Обед будет готов к трем часам, – докладывает он. – К четырем накормим людей и в путь.

Вахмистр в свою очередь сообщает Гамалию, что консервы розданы по рукам, не считая неприкосновенного запаса.

– А патроны?

– По двести пятьдесят штук у каждого, кроме тех, что на двуколках. Кузнецы справили свой струмент. Фуражу тоже полны саквы. Вы уж не беспокойтесь, вашскобродие, – успокаивает он, – все как надо, в порядке... А что, – пригнувшись ко мне, шепчет он, – к англичанам, говорят, идем?

Я гляжу на него полными изумления глазами. Он конфузится и говорит:

– Так промеж себя казаки толкуют. Опять же этот Востриков: «Я, говорит, знаю, к англичанам через весь фронт пойдем».

Он умолкает, но я чувствую, что он дожидается ответа. Гамалий смеется:

– Ну, чего там скрывать. Уж если Востриков так сказал, надо открываться. К англичанам, Лукьян, к ним.

– Да ведь дюже далеко, вашскобродие.

– Ничего, абы кони донесли.

– Донести-то донесут, да как вынесут? – качает головой вахмистр.

– Не лякай, вынесут. А ты що, уже отломил¹⁹?

– Никак нет, вашскобродие, я-то не отломлю: небось не первый раз по тылам гуляем.

– Ну то-то! Что еще?

¹⁹ Казацкое выражение: «испугался».

- Да, кажись, все.
- Добре! Ступай спать. Нам с тобой с утра ще работы наберется.
- Спокойной ночи, ваше высокоблагородие.
- Спокойной ночи, Лукьян.

Гамалий поворачивается ко мне:

- Вот сукин сын Востриков. И черт его знает как он все пронюхает.

– Да он, вашскобродь, шныряет везде, как кобель. Чуточки услышит, как кто сбрыхнет, а он все на ус мотает. Другому и в голову не придет послушать, что это там люди гуторят, а у Вострикова душа не на месте. Все он хочет знать, – говорит Пузанков, раскладывающий мне походную кровать.

– А что, Пузанков, я думаю оставить тебя здесь. Куда тебе с вьюками за нами таскаться, еще убьют тебя где-нибудь. Хочешь остаться здесь, при обозе? – подтруниваю я над своим вестовым.

Он сопит, потом поднимает на меня обиженные глаза и коротко говорит:

- Не желаю!

– Почему?

– Да так, не хочу! Куды сотня, туды и я.

– Да дурень, а вдруг не дойдем да все погибнем.

– Ну-к что ж! У меня в сотне брат, шуряк да двое дядей. Куды они, туды и я. Не желаю при обозе!

– Ну, ладно, смотри, потом не пеняй.

Он удовлетворенно смеется и хвастливо говорит:

– Чего пенять-то? Не на кого жалиться. Я, вашбродь, даром что денщик, а человек я рисковый.

– Тебе бы в строй, – смеется Химич.

– А что, может, я сам за храбрость до прапорщика дойду, – отрезает Пузанков.

Мы смеемся. Химич, недовольный таким сравнением, говорит:

– Ну, это мы поглядим, когда в бой попадем. Небось тогда спрячешься, коням хвосты пойдешь подкручивать.

– Ну там посмотрим, – решает Гамалий. – А теперь айда спать.

Пузанков уходит. Химич тушит свет, и через минуту он и Гамалий мерно храпят. Я хочу вызвать в памяти образы близких мне, родных людей, но сознание помимо моей воли покидает меня, и я погружаюсь в глубокий, без сновидений сон.

Еще совсем темно. Звезды лишь слегка поблекли на небосводе. До рассвета еще часа полтора, но сотня уже проснулась. Казаки возятся у коновязей, мелькают фигуры, слышатся вздохи и отчаянные зевки.

– Куцура, не бачив мово коня? – спрашивает кто-то из темноты.

– Ни. А що?

– Та нима його нигде, провалився скривь зимлю.

По парку движутся тени. Это казаки бродят в поисках разбредшихся за ночь коней.

– А ты йому ноги спутляв? – интересуется Куцура.

– Ни, забув. Та ций сатани що путляй, що не путляй, все одно сбижыть.

И крутая брань завершает этот разговор на ходу.

Пузанков увязывает тюки. Горохов разбирает палатку.

Гамалий зевает во весь рот.

– Теперь бы еще соснуть, – вслух мечтает он.

Химич бубнит у коновязи, подгоняя мешкающих казаков. Кухня разевает огненную пасть, и из открытого куба поднимаются клубы белого пара.

– Супу давать? – спрашивает Пузанков.

– Давай, да побольше, – сквозь зевки кидает Гамалий.

Спустя несколько минут мы вместе со всеми едим горячее варево с плавающим в нем мелко накрошенным мясом. За ним следует каша – крутая, густо посоленная пшеничная каша, поджаренная на свином сале. Она хрустит на зубах. Есть не хочется. Но мало ли чего не хочется! Перед выступлением полагается хорошенько наполнить желудки, и мы поедаем наш «обед», поданный в три часа ночи.

«Эх, накормить бы пару раз вот так, среди ночи, обедом из котла всех этих окопавшихся при штабе бесчисленных трутней в генштабистских мундирах и сверкающих аксельбантах!» – со злостью думаю я.

Палатки уже скатаны, тюки навьючены, кони заседланы, люди накормлены. Пузатый кашевар разливает по котелкам кипяток. Казаки неторопливо пьют чай. Гамалий смотрит на восток. Горы посветлели, звезды тают одна за другой и гаснут на сером небе. Красноватое зарево медленно поднимается за Асад-Абадским перевалом. Четкие контуры деревьев прорезают серую мглу. Шеверин просыпается. Лают бродячие собаки. Скрипит проезжая телега, и пофыркивают кони.

– Пора! – говорит Гамалий и коротко, негромко командует: – Сотня, готовь-с-сь!

Люди приходят в движение. Засовываются за голенища ложки, прячутся в сумы недо-еденные куски хлеба и сахара.

– По коня-ам! – снова прорезает тишину голос командира.

Мы идем по своим местам. Сотня, ведя коней в поводу, тянется к оголенной площадке. Обоз – вернее, кухня, пулеметы и вьючные кони – проходит вперед и скрывается за деревьями. Сотня выстраивается. Звенят шашки, фыркают кони, и тускло поблескивают винтовки.

– Сотня, сади-ись!

Движение, небольшая возня – и мы на конях.

– Ша-а-гом ма-а-арш! – нараспев тянет Гамалий.

Снова плывут улицы, снова мелькают дома, глиняные стены, лужи, базары, и опять мы качаемся в седлах. Горы уже не в силах заслонить солнце. Оно поднимается над ними и, молодое, могучее, смеется над усилиями убегающей ночи. Яркие брызги рассыпались по долине. Они скачут, сверкая и отсвечиваясь на зубцах мрачных утесов Асад-Абада, играют в зеленой листве и скользят по стали наших винтовок и кинжалов.

День наступил. Мы выходим на Керманшахское шоссе и, поднимая пыль, тянемся ровной лентой вперед, к крутым отрогам чернеющего вдали Асад-Абада. Асад-Абад – это грозный горный хребет, на вершину которого, змеясь, кружась и петляя, поднимается наше шоссе. По сторонам на утесах лежит снег. Вершина хребта – на высоте трех с половиной верст, и там, за облаками, лучи солнца бессильны растопить эти белые глыбы. В голубой дымке прячутся ущелья. Дорога все время поднимается в гору. Холмы и сады Хамадана остаются далеко позади. Какие-то птицы с звонким чириканьем носятся над нами.

– Стрижи? – спрашивает меня Гамалий.

Его лицо бодро. Он весел и доволен. Или, может быть, это только так, перед казаками. Но они не обращают на нас внимания, они заняты своими обычными разговорами. Сбоку, в ложбине, прячется маленькое селение. Оно окружено садами и выглядит таким уютным. Мы проходим мимо. На повороте дороги я замечаю, как двое казаков отрываются от хвоста колонны и скачут к деревушке. Я останавливаю коня и посылаю за ними вестового. Через несколько минут все трое подъезжают ко мне.

– Куда вы?

– Воды попить, вашбродь, – говорит один из них, кузнец Карпенко, вор и забияка, неоднократно произведенный за храбрость в урядники и столько же раз за пьянство и грабежи разжалованный вновь в рядовые.

– Попьешь на пункте, – обрываю я. – Марш к сотне!

Он усмехается и беззлобно говорит:

– Уж вы, вашбродь, всегда мне не верите. Ей-же-богу, воды попить захотели, а не что-нибудь там...

– Ну ладно, ладно, – говорю я, и мы на рысях догоняем ушедшую вперед сотню.

– Следи за ними! – наказываю я вахмистру. – Не упускай никого из виду.

– Да разве за ними, за дьяволами, уследишь! – с отчаянием восклицает Никитин. – Им бы, жеребцам, плетей надавать, тогда послушали бы. Разве они, окаянные, хорошие слова понимают!

Карпенко и Скиба переглядываются, в их глазах дрожит затаенный смех. Я обскакиваю сотню и нагоняю Гамалия.

– Что там? – спрашивает он.

– Пустяки, отстали двое, я их подогнал.

Дорога становится все круче, ее белая лента вьется зигзагами по зеленым выпуклым склонам горы и снова прячется в ущелье. Воздух свеж и густ, как парное молоко. Время бежит...

С каждым поворотом Хамадан все далее уплывает из глаз. Позади остается обширная равнина с живописно разбросанными по ней деревнями, белыми пятнышками озер, причудливыми изворотами рек. Зеленеют квадратики пашен. Там и сям темнеют сады. Людей внизу не видно; глаз не может различить их: так далеко, под самые небеса, уходим мы. Мимо проплывают хлопья зацепившегося за скалы утреннего тумана. Шоссе в приличном состоянии, видно, что его чинили совсем недавно. Мосты крепки и еще не расшатаны артиллерией и грузовиками. Иногда попадаются по пути трупы павших коней и верблюдов. Падаль уже разодрана шакалами, возле костей грызутся бездомные, одичавшие собаки, с глухим ворчанием, нехотя отходящие в сторону при нашем приближении. Огромные орлы или, может быть, беркуты с оголенными змеевидными шеями парят над нами. Те, что сидят на ближайших утесах, косым, стерегущим взглядом следят за нашим шествием, не пугаясь нас и не трогаясь с места. Мы поднимаемся все выше. Часто сокращаем дорогу по тропкам напрямик. Тогда мы слезаем с коней и цепляемся за их хвосты и гривы. Кони храпят и осторожно карабкаются по камням и утесам.

Несмотря на горную прохладу, мы обливаемся потом, а перевал через эту проклятую гору все еще далеко. Гамалий смотрит на часы. Идем уже пять с половиной часов.

– Голова колонны, сто-о-ой! – кричит он.

Передние ряды останавливаются. Казаки спешиваются. Кто лежит, кто сидит, кто крутит сигарку. Сзади подтягиваются отставшие.

– Полчаса роздыху, – говорит командир.

Сейчас же кое-где начинают куриться и дымить маленькие костры. Кони тянутся в сторону от дороги, к траве. Я лежу на спине и смотрю на плывущие надо мною облака. В руках у меня плитка шоколада, которую сунул мне Гамалий. Как ни странно, этот храбрый боевой офицер – сладкоежка и обожает шоколад, который всегда у него в запасе. Однажды я, смеясь над ним, насчитал в его сумках около десяти фунтов шоколада самых разнообразных сортов. Зуев прикорнул и дремлет. Химич грызет белые сухари, которые ему прислала из станицы жинка – простая казачка. Говорить лень. Хочется долго лежать и вот так, не отрываясь, глядеть в это ясное, голубое небо и не думать ни о чем, решительно ни о чем. Ни одна мысль о том, что нас ждет дальше, не приходит в голову.

Гамалий вырывает меня из моей ленивой истомы:

– По ко-оням, са-а-дись!

И мы вновь идем вперед.

Наконец добираемся до перевала. Оглядываемся и не можем оторвать глаз. Какая красота! Отсюда, с высоты трех с половиной верст, открывается непередаваемо прекрасный в полном смысле этого слова, сказочный вид на лежащие внизу равнины. Далеко вперед уходит широкая, ровная, изумрудная степь, прочерченная десятком рек и множеством дорог. Еле видимые селения с минаретами и башнями кажутся плывущими в тумане. Голубая даль сливается с чуть зримыми на горизонте горами. Под нами с ревом и грохотом рушатся в бездну водопады. По склонам и скатам прилепились убогие деревушки. А у самого подножия Асад-Абада стоит Маньян – врачебно-питательный пункт, где мы должны пообедать и сделать недолгий привал.

Начинается спуск в Керманшахскую долину. Дорога становится лучше. Идти под гору совсем легко. Казаки повеселели.

– Слава те господи, прошли... Намаялись добре... – слышатся голоса.

Изредка из-под копыт срываются камни и катятся с шумом вниз. Шоссе делает последний поворот, и Асад-Абад остается позади. Его седые утесы хмурятся и поглядывают на нас с высоты.

Подходим к Маньяну. Это – полувоенный, полуштатский этап, организованный здесь «Союзом городов». Его штат немногочислен: прапорщик-комендант, два врача, три пожилые, но кокетливые сестры и десятка полтора санитаров из «крестиков». Такие пункты разбросаны здесь через каждые двадцать – тридцать верст. Накануне, по телефону из Шеверина, мы заказали горячую пищу на всю сотню, и теперь нас ждут. Нам навстречу выбегают солдаты. Они радушно машут руками, как бы завидя званных гостей. Открываются деревянные ворота, немилосердно скрипя немазаными петельными крюками. Мы останавливаемся, сотня спешивается. Коней заводят во двор, и люди тотчас же разбредаются по селу.

– А ну, кто хочь куренка тронет – попробует плетей! – несется вслед зычный голос Никитина.

Но здесь мудрено найти даже куренка, ибо до нас прошло немало и казачьих и пограничных полков, и куренок стал редкостью.

На крылечке суетится комендант. Маленький, кругленький человечек, прапорщик запаса, призванный на войну из акцизного ведомства, он выглядит типично штатским. Но хозяин он, несомненно, хороший. На пункте всюду чистота и порядок, имеются большие запасы отличного фуража, мяса, солонины, сахара, овощей, медикаментов – словом, всего, в чем нуждаются проходящие части.

Гамалий прежде всего идет посмотреть, чем будут кормить сотню. Война научила его, что любезные коменданты этапов, готовые потчевать всякими изысканными блюдами офицерский состав, кормят солдат из рук вон плохо. Но его подозрения на этот раз не оправдались. Казаков угощают великолепной солониной с кашей, в которую не пожалели масла. Довольный, есаул присоединяется к нам.

Комендант сам разливает чай, вливая в него по четверти стакана ароматного французского коньяка. Между делом он интересуется, не играем ли мы в «трынку», но партнеров себе не находит. Входят врачи, появляются сестры. Нам подают какой-то странный суп – зеленый, густой, с разварившимся горохом, вкусным мясом и длинными кислыми, напоминающими щавель, овощами.

– Пити! Местное блюдо. Я научился готовить его, – с гордостью объявляет бывший акцизный.

Мы одобряем его искусство. Гамалий сияет: ни один казак не отстал, кони, несмотря на трудный горный переход, здоровы, нет ни одной набитой спины, настроение у людей бодрое. Словом, пока все идет как по маслу.

– Еще бы стаканчик чайку, – благодушно говорит есаул, выпивший уже не менее пяти стаканов.

Сестры гостеприимно потчуют нас. Зуев и Химич лениво любезничают с ними. Самой молодой из этих оболстительниц не менее сорока лет, самой пожилой под пятьдесят, но тем не менее здесь, на этом заброшенном пункте, они, как видно, пользуются немалым успехом. Помимо наших прапорщиков около них увиваются драгунский корнет и пара застрявших на день проезжих земгусаров. Эти последние выглядят по-опереточному ярко на фоне боевого, прошедшего окопные и походные мытарства офицерства. Невольно мне вспоминается сочиненная недавно где-то на фронте песенка об этой специфической фауне войны:

С биноклем, шашкой, револьвером,
Алаверды, алаверды,
Казался каждый офицером,
Алаверды, алаверды,
Расшили золотом погоны,
Алаверды, алаверды,
Пусть трусы носят цвет зеленый,
Алаверды, алаверды...

Сестры довольны. Нам же от долгой тряски, сытного обеда и коньяка хочется спать. Словно угадывая мою мысль, Гамалий говорит:

- А не соснуть ли нам часок?
- Когда же тронемся дальше? – спрашиваю я.
- Вечером, часов в пять.
- Добре!

Мы идем в маленькую прохладную комнату и заваливаемся спать на железных койках, покрытых соломенными солдатскими тюфяками.

Снова в пути. Отдохнувшие кони идут крупным, бодрым шагом. Иногда сзади слышатся голоса: «Повод вправо!» Это нас обгоняют маленькие «форды» и тяжелые «мерседесы». Тучи пыли, как завесы, вздымаются за ними. Часто навстречу попадают двуколки, арбы, грузовики. Бредут пешеходы. Робкие персы спешат свернуть с дороги. Их способ передвижения прост и оригинален: три-четыре человека бегут за ишаком, сменяя по очереди трясущегося на нем всадника. Седло заменяет кусок войлока, а плеть – острое шило, которым седок время от времени покалывает круп упрямого животного.

– Давай наперегонки! Ты – на ишаке, а я – пешком! – кричит Востриков непонимающему и робко улыбающемуся персу.

Казак смеется. Однообразие пути утомляет их, и они рады всякому случаю, отвлекающему их от монотонного скучного покачивания в седле. Так проходит час, два... четыре.

На пути вырастает еще один пункт – такой же, как и в Маньяне, только с той лишь разницей, что комендантом здесь молодой безусый прапорщик-инвалид, а вместо сестер угреватый фельдшер. Пьем чай, звоним на Аб-Герм. Это следующий пункт, где предстоит ночевка. Просим приготовить обед и закупить фураж для лошадей. Прощаемся – и снова в седле.

Вечер незаметно сходит с темных вершин Асад-Абада и быстро нагоняет нас. Равнина погружается в молчание. За горизонтом погасает солнце и озаряет нас своими багровыми прощальными лучами.

В сгущающемся мраке показываются огоньки. Это Аб-Герм. Подходим, спешиваемся, располагаемся на ночь у дороги, на мягкой и густой траве. Казакi расседлывают и развьючивают коней. Они с увлечением растирают им спины жесткими щетками и чистят скребницами их запыленные ноги и животы. Через полчаса, напившись воды, кони с хрустом жуют сочный ячмень.

Пузанков разбивает походную кровать и стелет постель, но я решаю пройти на пункт. Мне, несмотря на усталость, интересно взглянуть на обитателей Аб-Герма.

Большая светлая комната. За столом – Гамалий, комендант, несколько пехотных офицеров и человек пять сестер. На столе – коньяк, вино, закуски и неизменный шоколад есаула. Взоры сидящих останавливаются на мне.

– Мой старший офицер, сотник Н., – представляет меня командир.

Я жму с десяток протянутых рук и присаживаюсь к столу. Напротив меня сидит хорошенькая сестра с большими черными глазами. Она с любопытством разглядывает меня. На груди у нее рядом с большим красным крестом синее маленькое эмалированное ромб! Ого! Университетский значок! Это меня интригует. Я завязываю разговор. Через пять минут мы болтаем как старые знакомые. Оказывается, мое лицо очень напоминает ей лицо одного студента-технолога, с которым она когда-то ехала в поезде где-то между Варшавой и Минском. При этом воспоминании она смеется, показывая ряд мелких, ослепительно белых зубов. Зовут ее Ириной Петровной, она практикант-химик, окончила в этом году Харьковский университет и теперь работает здесь, при пункте, лаборанткой. За столом шумно, но мы не обращаем ни на кого внимания, занятые своими, исключительно своими разговорами.

Ой, казала мени маты,
Та приказувала,
Щоб я хлопцив у садочок
Не приважувала.
Ой, мамо, мамо, мамо,
не приважувала...—

раздается невдалеке, за дорогой. Это сотенные певцы вместе с доморощенным регентом, урядником Сухоруком, вспоминая станицу, поют родную, вывезенную дедами с Украины песню.

Мелодия трогает сидящую компанию. Звуки то растут, то затихают и льются волной в раскрытые окна пункта.

– Как хорошо, как чудесно! – тихо говорит, мечтательно глядя в черную ночь, Ирина Петровна.

В самом деле казаки поют отлично. Они умеют несложными мелодиями дедовских песен вызывать глубоко западающую в душу сладкую грусть.

– Выйдем на воздух, – предлагаю я.

Мы поднялись и прошли во двор.

Луна бродила по облачному небу, проваливаясь в белесые хлопья облаков и так же внезапно выныривая вновь. Ее неровный свет падал на долину, на притаившийся пункт и на поющих казаков. Мы подошли ближе к ним. Кончив песню, Сухорук обратился к моей соседке:

– Послушать прийшли, сестриця?

– Да, уж больно вы хорошо поете, прямо прелесть! – похвалила моя спутница. – Вы бы, голубчик, еще спели что-нибудь.

– Это можно. Какую прикажете, вашбродь? – обратился он ко мне.

– Какую хочешь. Только, Сухорук, смотри не пой до конца, а то напугаешь доктора, – указывая на Ирину Петровну, сказал я.

– Не извольте беспокоиться, вашбродь, не подгадим. А я думал, что вы сестриця, – улыбнулся он, глядя на лаборантку. – Больно не похожи на докторицю.

Ирина Петровна весело и звонко смеется:

– Почему же? Почему не похожа?

– Да как сказать... Больно молодые и красивые. А докторица, по-нашему, извиняюсь, должны быть старые, да и лицом как бы не вышедши.

Хохот казаков слился со звонким смехом «докторицы».

Сухорук польщен. Ирина Петровна жмет ему руку и благодарит за забавный и приятный комплимент.

Казаки запевают старинную песню об Иване Грозном и буйном Тереке. Они поют вдумчиво и вдохновенно. Давно прошедшей вольностью и удалой жизнью казацких ватаг веет от этой древней песни. Мы взволнованно слушаем ее. Наконец певцы смолкают.

Мы идем дальше. Нам вслед несутся drobные, частые звуки разудалой плясовой песни, слышатся лихие «ухи» и «охи» пляшущих трепака казаков. Хор заливается, быстро перебирая и прищелкивая:

Скыну кожух да пальцю,
Сама пиду на улыцю.
Хай кожух валяется,
За мной хлопци гоняются...

– Какие они милые, хорошие, – говорит Ирина Петровна, – ласковые, простые люди. Ведь я раньше вовсе не знала их. Вы первые казаки, с которыми мне приходится встретиться так близко.

Гуляем по шоссе. Отошли уже довольно далеко. Огоньки Аб-Герма остались позади, песня и гиканье неясно долетают до нас. Мне невыразимо уютно и тепло с этой милой, простой и умной женщиной. Говорим о стихах Блока. Она декламирует «Незнакомку» и, не закончив, переходит к последней строфе «На железной дороге»:

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей – довольно...
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена... все больно.

Голос Ирины Петровны звучит проникновенно и задушевно.

Мы молча проходим еще несколько шагов. Мне радостно идти с нею, хочется молчать и слушать ее нежный, мелодичный голос. Ничего дурного, ничего пошлого. Только чувство разделенного одиночества сближает нас. Я понимаю ее состояние. На далеком, заброшенном этапе, среди сотен проходящих мужчин, интеллигентная, с богатым духовным миром женщина тоскует о жизни, к которой она привыкла. Город, общество, любимая наука, книги, театр. Как от всего этого далеки темные, окружающие Аб-Герм холмы!

– Вы тоскуете здесь? – спрашиваю я.

– Вообще да, но два обстоятельства заставляют забывать о скуке – работа и чувство долга. Народ так мучается, так страдает на этой войне, что нам, тыловикам, стыдно думать о себе.

Признаюсь, я не ожидал такого ответа. Мне казалось, что я услышу от нее горькие жалобы на забросившую ее в эту глушь судьбу.

– Вот только принесут ли эти страдания ему пользу? – медленно, как бы думая вслух, говорит Ирина Петровна.

Я не понимаю, о чем говорит она.

– Несомненно! Слишком великие жертвы принесла Россия, и немыслимо, чтобы они пропали даром. Да иначе и не может быть. Ведь теперь не тысяча девятьсот пятый.

Ирина Петровна крепко жмет мне руку. Ее глаза сияют.

– Как вы сказали? Теперь не тысяча девятьсот пятый год? – взволнованно повторяет она.

– Конечно. Война многому научила нас. Мы тоже стали разбираться в жизни.

– Значит... значит, – почти вплотную приближая ко мне свое лицо, говорит она, – казаки в случае... не будут стрелять в народ?

– Вы хотите сказать: в случае революции?

Она молча наклоняет голову.

– Ни в коем случае! Девятьсот пятый год не повторится.

Она пристально смотрит мне в глаза испытующим взглядом, потом тихо и ласково целует в лоб и нежно, очень трогательно проводит ладонью по моей щеке.

– Спасибо, – еле слышно говорит она. Потом, тесно прижав к себе мой локоть, поворачивается, и мы медленно идем назад к Аб-Герму.

Встретившая нас в коридоре сестра милосердия лукаво улыбается:

– Хорошо прогулялись?

– Да! – коротко отвечает моя спутница.

Попрощавшись с нею, иду к себе. Нежность и большая благодарность к этой еще недавно незнакомой и так внезапно ставшей мне близкой женщине охватывает меня. Я не чувствую более одиночества. Как, в сущности, немного надо тепла людям, когда они лишены его. Я оборачиваюсь и с благоговением смотрю в сторону дома, где светятся окна сестер. Потом иду в отведенный нам флигель.

– Ну что, поженихались? – слышу я сбоку вкрадчивый, любопытствующий голос Химича.

– Что вы! Просто гуляли, говорили о литературе, – отвечаю я, раздеваясь.

Дурацкая фраза прапорщика грубо врывается в мое восторженное, лирическое настроение.

– Ну да, лите-ра-тура! – недоверчиво тянет Химич. – Небось повезло?

Я поднимаю голову. На меня глядит освещенное луной круглое, с подкрученными вверх усами лицо прапорщика. Оно выражает такое неудержимое любопытство, что я обозленно говорю:

– А ну вас к бесу!

Химич молчит. Потом, видя, что я лежу, зарывшись в подушки, сердито сопит и, считая меня заснувшим, бомочет:

– Гарбуза получил, а на других злится. Ухажер! – И, сонно позевывая, укладывается спать.

На рассветедвигаемся дальше. Проходя мимо пункта, я с сожалением бросаю взгляд на белые занавески в окне. Вчера я еще не знал о существовании Ирины Петровны, а сегодня мне кажется, что я распростился со старым, хорошим другом. Сколько таких коротких дорожных встреч хранит моя память!..

Идем. Следующая остановка в Корре. Незаметно добираемся до него. Снова чай, короткий отдых. И опять в дорогу под горячим, палящим солнцем.

Эту ужасную жару я начинаю ненавидеть, и, если бы не благодатный ветерок, набегающий с отрогов Синджарских гор, мы давно истекли бы морем пота. Медленно и однообразно ползет время. Кажется, что солнце остановилось на месте. Его диск окутан беловатой пеленой. Прямые злые лучи больно жалят незащищенное лицо и руки. Воздух колеблется и переливается в степи знойным маревом, смутно похожим на волнующуюся кружевную завесу. Рукоятки пашек и стволы винтовок нагрелись. Высокая трава не шелохнется, застыв под голубым палящим небом.

Но вот белая пелена все сильнее окутывает солнце. Его лучи тускнеют, теряют свой нестерпимый блеск. Колеблющиеся темные пятна поднимаются на горизонте. Казаки с облегчением скидывают головы.

– Быть дождю, – поглядывая на небо, говорит Химич.

– Должен быть. Не иначе как накроет нас в степу, – подтверждает вахмистр.

– Давай бог! Измаялись вконец, – слышатся голоса, и все с надеждой устремляют взоры на быстро мрачнющий горизонт.

Через полчаса половина его уже покрыта свинцово-серой громадой туч, свесившейся над землей и плывущей нам навстречу. Солнце еще раза два пытается прорваться через эту завесу, но в конце концов безнадежно тонет в ее черной гуще. Сразу темнеет. По долине пробегает ветер; его порывы теребят поникшую траву. Кони усиливают шаг, тревожно прядут ушами. Снова порыв ветра и глухой, неясный гул. Тучи опускаются совсем низко и накрывают степь своим черным крылом. Казаки расторачивают бурки, нахлобучивают папахи, надевают башлыки. Через минуту вся сотня превращается в вереницу черных теней.

– Ну и климат! – восклицает Химич. – То сдыхаешь от жары, а то кутаешься, как от морозу.

Черную мглу прорезает огненный зигзаг молнии. На какие-то доли секунды ее вспышка освещает дорогу. По равнине гулко и раскатисто несется удар грома. Молнии следуют одна за другой. Грохочет гром. Дождь хлещет во всех направлениях. Его струи падают и сверху, и с боков, подхлестываемые быстрыми и сильными шквалами ветра. Небо точно взбесилось. Кажется, что наверху прорвалась какая-то гигантская плотина. Мой башлык намок, за бешмет просочилась вода. Бурка тяжело повисает на мне. Под ударами ветра и от резких, больно бьющих в глаза капель кони останавливаются. Мы подгоняем их. Казаки примолкли и, в тщетной надежде спастись от дождя, кутаются в бурки.

Вдруг туча раскалывается. Одна половина ее уплывает вперед, а вторая разрывается на ряд отдельных небольших островков. Эти островки белеют и проплывают мимо. В провалах между ними показывается солнце. Его лучи пробегают по земле радостными, игривыми зайчиками. Оно смелеет, с минуту словно раздумывает, а затем, как бы вспомнив свое назначение, гонит прочь побежденные разбегающиеся облака. Ветер стих. Трава поднимает стебельки и тянется к солнцу. На ее изумрудной зелени блестят мириады капель.

– Побрызгал малость и айда домой, – шутят казаки.

– Спать пишов до жинки.

Бурки и башлыки скатаны и снова приторачиваются к луке. Через десять минут долина принимает прежний вид, и только прибитая к земле дорожная пыль еще напоминает о промчавшемся ливне.

– А ну, песенники, вперед! – кричит Гамалий.

Казаки неохотно тянутся из рядов.

– Станичную, чтоб дома не журылысь! – приказывает командир.

Уж ты са-ад, ты мой сад...—

тянет высоким тенором запевала.

Сад зеленый, виноград...—

подхватывают остальные, и тягучая, заунывная песня, воскрешающая в памяти дорогие сердцу станичные левяды, звенит и несется над чужой, персидской равниной.

Откуда-то вновь появились стрижи, и жаворонки опять звенят над степью.

– Собрать сотню, Лукьян! – приказывает Гамалий. – Господам офицерам быть на своих местах!

Вахмистр идет исполнять приказание. Мы уже часа два как пришли в Диз-Абад. Люди пообедали и сейчас, покуривая крученки, валяются на траве и ведут «балачки».

– Что вы собираетесь им сказать? – спрашиваю я.

– Хочу объяснить казакам цель нашего рейда. Люди, идущие на неизвестность, должны хотя бы немного знать о трудностях, которые ожидают их.

Горнист играет сбор. Его труба заливается, и я вижу, как отовсюду – из-за кустов, из пункта, от коновязей, – вскакивая с земли, бегут к вахмистру казаки. Наконец сотня в сборе. Она стоит развернутым фронтом лицом к дороге и ожидает офицеров. Мы подходим и становимся по местам. Показывается Гамалий. Я командую: «Смирно!» – и на его приветствие сотня рывкает десятками голосов.

– Справа и слева заходи! – командует есаул, и оба фланга быстро загибают полукольцо вокруг него.

Мы находимся внутри образовавшегося круга.

– Вольно! Садитесь! – говорит Гамалий.

Все усаживаются, и есаул начинает:

– Ну, братки, время пришло, и я должен рассказать вам, куда идет сотня. Ни вчера и ни позавчера я не имел права говорить: было еще рано...

– Да мы и так знаем, вашскобродь, – перебивает его из толпы чей-то голос.

– Цыть! Не мешай! – несутся негодующие голоса, и некстати заговоривший казак робко умолкает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.